

КОМАНДИРОВКА ЗА ОКЕАН: ПОЕЗДКА ИЛЫИ ЭРЕНБУРГА В США В 1946 г.

Г. В. Лапина
(Мэдисон)

Илья Эренбург, наверное, никогда не побывал бы в Америке, если бы не визит в Москву в марте 1945 года делегации Американского общества газетных редакторов, ответом на который и стала его командировка в страну, чуждую вкусам советского европейца.

Основанное в 1922 году Американское общество газетных редакторов (American Society of Newspaper Editors, ASNE) на своем первом съезде приняло так называемый «Канон журналистики», в котором впервые были сформулированы основные этические принципы профессии: «ответственность, свобода, независимость, честность, непредвзятость, добросовестность» (Mellinger 2008: 21; 2020: x). Важнейшей задачей этой организации, которая приобрела особую актуальность в 1945 году, стала защита свободы информации. Тогда как во время войны с фашистской Германией пресса многих стран подвергалась цензуре из соображений безопасности, скорое установление мира в Европе исключало ее необходимость. Аргументируя важность свободы прессы, американские редакторы утверждали, что «если бы фашисты и нацисты в Италии и Германии с самого начала не захватили прессу и не поставили под свой контроль все средства информации, укрепление этих гнусных диктатур вполне можно было бы предотвратить и внедрение в сознание нации идей ненависти и недоверия вряд ли было бы возможно»¹.

Для того, чтобы обсудить с коллегами и правительственными чиновниками проблему свободы печати в послевоенном мире, заместитель редактора *New York Herald Tribune* Уилбур Форрест, редактор газеты *Atlanta Constitution* Ральф МакГилл и декан факультета

¹ Full Report of ASNE Committee on Freedom of Information. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 3 (2-я пагинация).

журналистики при Колумбийском университете Карл Аккерман по заданию Общества посетили Великобританию, Францию, Бельгию, Италию, Ватикан, Грецию, Египет, Турцию, Иран, Индию, Советский Союз, Китай, Австралию. Редакторы искали у своих коллег в разных странах поддержки предложения включить в послевоенные мирные договоры статьи о свободе прессы, обязывающие государство:

1. не подвергать цензуре новости;
2. не использовать прессу как инструмент национальной политики;
3. не препятствовать свободному обмену новостями между странами, подписавшими соглашение².

Вряд ли можно было рассчитывать на то, что в Советском Союзе это предложение понравится редакторам и тем более их партийным менторам, но заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский, который принял делегацию, «обещал попытаться найти возможность сотрудничества»³. На вопрос, возможен ли после окончания войны свободный обмен информацией между СССР и США, Лозовский дипломатично ответил: «Если мы смогли прийти к взаимопониманию в борьбе с фашизмом, почему нам не достичь взаимопонимания в решении проблемы, которая представляется менее важной, чем другие»⁴. Слова Лозовского (по просьбе американцев, видимо не поверивших своим ушам, он повторил их) вселяли надежду на положительный исход визита делегации.

В Москве первая встреча американской делегации с советскими коллегами состоялась в американском посольстве. Никогда раньше здесь не собирались одновременно генеральный директор ТАСС, глава пресс-службы Народного комиссариата иностранных дел, заместитель Наркома иностранных дел и редакторы всех крупных советских газет – «Правды», «Красной звезды», «Комсомольской

² ASNE Reports Progress on Free Press Pledges. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 3.

³ Full Report of ASNE Committee on Freedom of Information. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 21.

⁴ Ibidem.

правды», Moscow News, «Известий», газеты «Труд». Посол Уильям Гарриман, открывший дискуссию, не стал скрывать, что американская политика на протяжении долгого времени страдала изоляционизмом, и критика со стороны других стран воспринималась негативно. Однако в настоящее время, утверждал он, Америка «отказывается от своего изоляционизма и заинтересована в мнении Советского Союза, к которому испытывает дружеские чувства»⁵. Если Гарриман надеялся, что советские гости, в свою очередь, признают недостатки советской информационной политики и пообещают их исправить, то этого не произошло. С. А. Лозовский ответил на примирительное выступление посла выпадом против американской прессы. «Главное, чего не могут понять советские люди и органы печати, – сказал он, – это постоянная критика некоторыми американскими газетами своего союзника»⁶. Каким образом советские люди могли знать, что пишут американские газеты, он не пояснил. О превосходстве советской прессы над американской в один голос говорили главный редактор «Правды» П. Н. Поспелов и его коллега из «Известий» Л. Ф. Ильичев. Резюмируя выступления советских редакторов, член американской делегации Ральф Мак-Гилл сказал: они «отрицали, что американская система свободна, и настаивали, что свободна система их собственная, поскольку она правильно понимает то, что хочет народ»⁷.

Советские журналисты привели и конкретные примеры, которые должны были окончательно дискредитировать американскую прессу. Так, во время встречи в редакции «Правды» заведующий военным отделом этой газеты генерал М. Р. Галактионов обвинил двух американских военных корреспондентов в дезинформации. Заверения У. Форреста, что в традициях американской прессы мнение одного корреспондента не представляет собой общего мнения газеты и может оказаться неверным, остались без внимания.

⁵ Full Report of ASNE Committee on Freedom of Information. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 21.

⁶ Ibidem.

⁷ McGill, R. Reflections on World News Freedom Following the ASNE Tour. – Journalism Quarterly. 1945. Vol. 22. No. 3. P. 193.

Перед отъездом американской делегации советские журналисты дали обед в гостинице «Националь», на котором кроме редакторов газет присутствовали корреспондент газеты «Красная звезда» Илья Эренбург, корреспондент «Правды» Давид Заславский, поэт и переводчик С. Я. Маршак, во время войны печатавший статьи в «Правде» и «Красной звезде». Особенно запомнился американцам И. Г. Эренбург, который «потребовал объяснить, почему американцы не могут сочетаться браком с неграми и евреями», настаивал на том, что «американцы по сути своей фашисты» и им «не избежать фашистского будущего», а «“трест” Херста отравляет фашистским ядом душу Америки»⁸.

Возвратившись в Америку после трехмесячной поездки по странам мира, глава американской делегации У. Форрест дал короткое радиоинтервью, в котором прозвучал осторожный оптимизм по поводу результатов переговоров в Москве. «Хотя я не могу сказать, что наша миссия что-либо поменяла в России, – заявил Форрест, – важно, что мы смогли заронить среди чиновников и редакторов газет некоторые идеи, которые однажды приведут к более беспрепятственному двустороннему потоку информации»⁹.

Первого июня американские газеты поместили краткий отчет делегации редакторов о встречах с журналистами разных стран – сухое протокольное изложение дискуссий о проблемах прессы. Особое место в нем отводилось миссии в Москву, где американцы слышали критику своей прессы, которая, по мнению советских редакторов, «не всегда представляет интересы людей», печатает непроверенные критические материалы, тогда как статьи в советских газетах «проходят проверку на истинность и неизменно представляют интересы народа»¹⁰. Ответом на эту публикацию стала статья Е. Жукова «Еще раз о свободе печати». Пользуясь тем, что текст отчета не был известен читателям «Известий», Жуков обвинил американцев в том, что они считают свою печать «самой свободной

⁸ Full Report of ASNE Committee on Freedom of Information. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 22.

⁹ Forrest Seeks World Alliance for Free Press. – The New York Herald Tribune. 1945. May 1. P. 13 A.

¹⁰ Report on Free Press Tour. – The New York Herald Tribune. 1945. June 11. P. 9.

в мире» и «под маской свободы печати» ведут «профашистскую пропаганду» и распространяют ложную информацию. Не меньшую опасность, по мнению Е. Жукова, представляют собой и «херсты» – порождение все той же «свободы печати». «Не нужно нам такой “демократии”, пусть возьмут ее себе другие», – заключил он свою статью¹¹. Многочисленными и весьма агрессивными нападениями на американскую прессу борьба с западной концепцией свободы слова не ограничилась. Задача Кремля состояла в том, чтобы осуществить «тотальный контроль над доступной корреспондентам информацией, перехват неугодных властям материалов и сокращение числа иностранных корреспондентов в Советском Союзе, особенно из Соединенных Штатов» (Bassow 1988: 124). Настоящей проблемой для американских корреспондентов было получение визы. Чтобы получить ее летом 1945 г., корреспонденту *New York Times* Бруксу Аткинсону потребовалось шесть месяцев и телеграмма Сталину, а сменивший его в Москве Дрю Миддлтон ожидал визу больше года. Нередко журналисту, покинувшему на время советскую столицу, в повторной визе вовсе отказывали (это произошло и с Дрю Миддлтоном, который в 1947 году не смог вернуться в Москву после отпуска). Были периоды, когда крупнейшую газету *New York Times* в советской столице представлял только один корреспондент. «У нас разные точки зрения на свободу прессы и демократию, – заметил издатель этой газеты Артур Х. Салцбергер. – Я хотел бы иметь в Москве полдюжины наших корреспондентов (вместо одного). Но это невозможно, и не по нашей вине»¹². Журналисты были лишены доступа к новостям и информации, они не могли путешествовать по стране (им запрещалось уезжать на расстояние дальше 40 км от столицы), говорить с интересующими их людьми. Самое сложное, с чем приходилось сталкиваться иностранным корреспондентам в Советском Союзе, была цензура. Все статьи западных журналистов попадали на стол цензора, который мог не пропустить статью, искалечить ее или задержать.

¹¹ Жуков Е. Еще раз о свободе печати. – Известия. 1945. № 137 (8747). 13 июня. С. 4.

¹² Sulzberger Cites Soviet News Curbs. – The New York Times. 1946. May 7. P. 17.

Цензурная политика свидетельствовала о том, что предложения делегации американских редакторов о свободном обмене информацией не только игнорировались, но и вызвали обратную реакцию. Это не помешало Политбюро принять 4 апреля 1946 г. постановление «О поездке советской делегации на собрание Американского общества газетных редакторов в г. Вашингтоне». Была утверждена «советская делегация в составе т. т. Галактионова М. Р. (руководитель делегации) – от газеты “Правда”, Эренбурга И. Г. – от газеты “Известия” и Симонова К. М. – от газеты “Красная звезда» (Большая цензура 2005: 571). Окончательное решение о посылке группы советских журналистов было принято 11 апреля, причем рукой Сталина написан пункт постановления: «Выдать на расходы уезжающих в США представителей советской прессы по 10 тыс. долларов, не считая расходов на поездку» (Там же: 621). В своих воспоминаниях Константин Симонов подробно рассказывает о долгом разговоре с В. М. Молотовым, о наставлениях министра и о том, как поразила его сумма, выделенная «каждому из троих», «своей величиной» (164 853 доллара по курсу середины 2025 г.). «В ходе разговора я – не знаю, какое лучше употребить выражение, – понял или почувствовал, что общая установка поездки, широта постановки вопроса, очевидно, исходят от Сталина, – писал он. – <...> Так я подумал тогда и имел основания убедиться в этом впоследствии, когда услышал из уст Сталина, как одновременно и жестоко, и болезненно он относился ко всему тому, что в сумме вкладывал в понятие “низкопоклонство перед заграницей”» (Симонов 2005: 365–366). Разумеется, цель миссии не сводилась к тому, чтобы показать американцам полное отсутствие пресловутого «низкопоклонства».

По замечанию историка советско-американских отношений В. О. Печатнова, именно весна 1946 года стала «важной вехой в перестройке военно-политического планирования США в духе холодной войны <...>. Понимание безопасности США приобретало все более глобальный и абсолютный характер» (Печатнов 2006: 142). СССР из союзника быстро превращался в «потенциального противника». Вероятно, предполагалось, что визит советских журналистов способен затормозить этот процесс. Молотов говорил Симонову, что

поездке придается большое значение, что «смысл поездок не в том, чтоб принять участие в съезде редакторов и издателей, хотя и это существенно, а в том, чтобы потом возможно дольше поехать по Соединенным Штатам, <...> при этом использовать все возможности для того, чтобы разъяснять всем людям, с которыми мы будем встречаться, а желательно, чтобы их было как можно больше, что мы не хотим войны, что слухи, распространяемые об обратном, нелепы и провокационны, что установление мира и все, что ведет к его укреплению, есть для нас аксиома, которую только клеветники могут подвергать сомнениям» (Симонов 2005: 365).

Симонов не смог удержаться и не упомянуть в своих мемуарах, какую важную роль отводил ему министр: «В решении этого не указано, сказал Молотов, но для вашего собственного сведения сообщаю, что руководителем делегации являетесь вы» (Там же: 366).

Кто бы ни возглавлял делегацию – генерал Галактионов, названный ее «руководителем» в решении Политбюро, или Симонов, «назначенный» Молотовым, но самым активным участником дискуссий с американскими коллегами стал И. Г. Эренбург, горячо и агрессивно отстаивавший и миролюбие Советского Союза, и преимущества «свободной» советской прессы над западной. Именно выступления Эренбурга, чей голос в журналистском трио был, по слову американской исследовательницы Дины Файнберг, «доминирующим» (Fainberg 2021: 18), цитировали американские газеты, восхищаясь его красноречием, остроумием и быстротой реакции.

Советские журналисты прилетели в Нью-Йорк 19 апреля на самолете посла США в Москве и в тот же день переехали в Вашингтон для участия в съезде Общества газетных редакторов. Триста редакторов ведущих газет страны, ожидавших их в конференц-зале Statler Hotel, самого современного по тем временам отеля, приветствовали появление советской делегации аплодисментами. Глава делегации редакторов Уилбур Форрест, председательствовавший на заседании, представил гостей, с которыми познакомился еще в Москве, назвал их визит историческим событием и предложил выступить. В своих коротких (меньше 15 минут) выступлениях Симонов и Эренбург напомнили редакторам о необходимости

продолжать борьбу с фашизмом («фашист, – по определению Ильи Эренбурга, – это тот, кто ненавидит Советский Союз»¹³). Галактионов убеждал собравшихся, что он в «Правде» «редактирует статьи так же, как Форрест или любой другой редактор в этом зале»¹⁴. Эренбург, к этому времени уже снискавший известность как «самый злой на язык критик американской прессы у себя на родине»¹⁵, призывал американских редакторов «покончить с враждебной клеветой против русских людей». «У вас свое правительство, и вам оно нравится. Это ваше дело. У нас большая страна, и нам она нравится. Я не вижу, почему мы должны из-за этого ссориться. Те, кто это делает, – прогремел он, – враги не только Советского Союза, но и Америки»¹⁶.

На следующий день редакторы получили редкую возможность расспросить советских журналистов о ситуации с западными корреспондентами в Москве. Первый вопрос, волновавший всех собравшихся в зале, задал Эбнер Кэрролл Биндер (Abner Carroll Binder), редактор *Minneapolis Tribune*: «Не мог бы мистер Эренбург сказать, получают ли американские журналисты возможность ездить по стране и писать о том, что они увидели?» На этот вопрос Эренбург отвечал долго: подчеркнул, что он прежде всего писатель, а не журналист, сообщил, что даже во время войны западным корреспондентам позволяли ездить по стране – американец Л. Стоу вместе с ним был на фронте подо Ржевом, а британец Ральф Паркер¹⁷ посетил Сталинград, Киев и Ленинград; признал, что иногда в Советском Союзе случаются бюрократические проволочки (как, впрочем,

¹³ Wood, L. Fight on Fascism Urged on Editors. – The New York Times. 1946. April 20. P. 5.

¹⁴ Blue Pencils and Vodka. – Newsweek. 1946. April 29. P. 62.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Yarbrough, C. Red Journalists' Frank Words Win Applause of Editors Here. – The Washington Post. 1946. April 20. P. 1.

¹⁷ Лиланд Стоу (Leland Stowe; 1899–1994) вместе с Эренбургом был на фронте подо Ржевом и посвятил этому главу книги “They Shall Never Sleep” (1942). Ральф Паркер (Ralph Parker; 1908–1964) в 1941–1945 гг. был корреспондентом английской *The Times* и американской *The New Times* в Москве. После войны печатался в газете английских коммунистов *The Daily Worker*. В 1949 году из-за несогласия с политикой Великобритании по отношению к Советскому Союзу объявил о решении остаться в Москве, где и умер в 1964 г.

и в Америке, где недавно его и его спутников держали в самолете после того, как все пассажиры вышли)¹⁸. «Я уверен, что выражу мнение моих коллег, что чем больше американских журналистов приезжают в нашу страну, тем лучше для них и для нас, – слукавил он. – У нас нет секретов от журналистов. Каждый может поехать и посмотреть то, что хочет. Однако в каждой стране есть секреты, и не дело журналистов выведывать эти секреты»¹⁹. Вспоминая этот эпизод много лет спустя, Эренбург написал: «...свалил все на войну, добавил, что я не цензор, а журналист» (Эренбург 1990, 3: 40). Основатель и редактор *U.S. News* Дэвид Лоуренс попросил советских гостей объяснить, почему американские корреспонденты вынуждены ждать визу от трех месяцев до года и сколько корреспондентов вовсе не дождались виз. Генерал и Симонов молчали. «Лично я хотел бы видеть как можно больше американских журналистов у нас в стране, – парировал Эренбург, – но что еще я, как журналист, могу сказать? <...> Вопрос не по адресу»²⁰. Редактор из Кентукки Том Уоллес (Tom Wallace, *Louisville Times*) поинтересовался, сможет ли он приехать в Россию и там разъезжать по стране и писать то, что сочтет нужным. Отвечать снова взялся Эренбург. «Повторяю: я не выдаю виз. Если бы мне позволили выдавать визы, я, вероятно, выдавал бы их с легкостью, и, наверное, поэтому мне и не поручено это делать. <...> О процедуре выдачи виз я ничего не знаю. Как только мы вернемся в Россию, мы поднимем вопрос о более широком взаимообмене корреспондентами»²¹. Редакторы встретили эти слова аплодисментами – наконец они услышали то, что хотели услышать. Сам Эренбург был, очевидно, доволен своей находчивостью и остроумием, позволившими, по его словам, «сломать лед»

¹⁸ Эренбург, заполнявший за троих анкеты приезжающих в США, в графе о расе поставил прочерк. Он «решил на дурацкие вопросы не отвечать и был наказан» (Эренбург 1954: 667) – его и его спутников не сразу выпустили из аэропорта (см.: Эренбург 1990, 3: 39).

¹⁹ Visiting Russians Answer Questions of U.S. Editors on Soviet News. – The New York Times. 1946. June 26. P. 10.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem; cp.: Эренбург 1990, 3: 40.

(Эренбург 1990, 3: 40). На самый острый и опасный вопрос, адресованный всем советским гостям, отвечать пришлось снова Эренбургу. Роберт Гласс из Виргинии (Robert Glass, *Lynchburg News*) спросил, возможно ли, чтобы кто-нибудь из журналистов поддержал в редакторской колонке отставку Сталина и замену его, например, Молотовым или Литвиновым? «Михаил Романович повернулся ко мне; я увидел на его лице ужас: “Отвечайте! Вы привыкли...”» – вспоминал Эренбург (Эренбург 1990, 3: 40). Симонов признался, что он бы «не нашелся, что ответить. Эренбург нашелся. Чуть заметно кивнул мне, что отвечать будет он, усмехнулся и сказал: “Очевидно, у нас с вами разные политические взгляды на семейную жизнь: вы, как это свойственно ветреной молодости, каждые четыре года выбираете себе новую невесту, а мы, как люди зрелые и в годах, женаты всерьез и надолго”» (Симонов 2005: 366).

Американские редакторы «приходили в восторг» от находчивости Ильи Эренбурга, которого журнал *Time* назвал «звездой шоу». Его товарищи держались в тени: «круглоголовый генерал Галактионов время от времени вставлял медленные, категоричные ответы. Щеголеватый автор-драматург Симонов сидел, окутанный клубами сигаретного дыма, и давал говорить старшим»²².

Разумеется, посланники из СССР, выполнявшие задание партии и ее вождя, отдавали себе отчет в том, что разговор о свободе печати, праве журналиста критиковать руководство страны был для них крайне опасным. Генерал не скрывал страха – по дороге в гостиницу он повторял: «Какой ужас!» Эренбург в тот вечер пришел в номер «окончательно измученным» – ему больше других пришлось, как он сказал, «выкручиваться» (Эренбург 1990, 3: 40).

Через десять дней после встречи с редакторами советское посольство устроило прием в честь именитых советских журналистов. Эренбург снова был «звездой шоу» и в очередной раз продемонстрировал мастерство изворотливости. У него «настолько подкупающее чувство юмора, что его реплики неизменно попадают в точку, даже хотя он говорит через переводчика», – восхищалась

²² Mission to Washington. – *Time*. 1946. April 29. P. 58.

присутствовавшая на приеме американская журналистка Либби Магуайр. Эренбург рассказал, какие вопросы ему якобы чаще всего задают, и тут же ответил на них:

1. «Где вы купили свой костюм – в России или в Америке?» – «В Москве».
2. «Почему у вас только одна политическая партия, а не две?» – «А когда у вас в Америке будет десять политических партий, а не две?»
3. «В котором часу вы встаете?» – «Очень поздно».
4. «Когда у вас в России будет свобода прессы?» – «Наши репортеры так похожи на репортеров в других странах, что к свободе прессы приходится относиться с опаской»²³.

Вероятно, уверившись в своей способности «выкручиваться», Эренбург нашел нужным пожурить американских журналистов. Выступая на завтраке, данном Ассоциацией журналистов-международников (Overseas Press Club of America) в честь советских коллег, он заявил: «Главная слабость американских журналистов заключается в том, что они свысока относятся к другим людям. Они не понимают, что одни народы не похожи на другие» – и предложил «учредить специальную школу для журналистов, в которой им объяснили бы, что люди и страны различны в своих философских, экономических и гастрономических понятиях». Затем он снова, как и на встрече с редакторами, заверил американских коллег, что по возвращении на родину будет содействовать облегчению цензурных запретов и установлению более тесных отношений с иностранными журналистами²⁴. Американские журналисты восприняли это обещание с надеждой, русские эмигранты – с недоверием. «Мы не сомневаемся, что, как только он очутится в Москве, Эренбург со свойственным ему блеском и силой напишет статью в “Правде” или

²³ Maguire, L. Chargé d'affaires Host at Party: Russian Journalists Entertained at Embassy Reception for Press. – The Evening Star (Washington, D. C.). 1946. April 29. P. B-3.

²⁴ Эренбург будет хлопотать об облегчении цензуры. – Новое русское слово. 1946. № 12430. 10 мая. С. 2; Russian to Urge Less Censorship. – The New York Times. 1946. May 9. P. 8.

“Известиях” под заголовком: “Больше свободы для иностранных корреспондентов! Пора отменить ограничения!”²⁵ – иронизировал популярный журналист «Нового русского слова» М. К. Айзенштадт, печатавшийся под псевдонимом Аргус.

Эренбург отлично знал, что вмешиваться в цензурную политику он не будет, однако его обещание похлопотать за ее ослабление устраивало американцев, и он не раз его повторял. Знал он и то, что свободы прессы в Советском Союзе нет, и смирился с этим. В 1917 году молодой Эренбург вместе с другими московскими литераторами участвовал в издании однодневной газеты «Слову – свобода!», вышедшей 10 декабря 1917 г. Газета стала ответом на подписанный Лениным декрет, согласно которому «подлежали закрытию» органы «контрреволюционной печати разных оттенков». «Граждане! Защищайте свободу слова!»²⁶ – призывали писатели и поэты, среди которых были Бальмонт, Бунин, Балтрушайтис. Эренбург напечатал в газете стилизованное под духовные стихи стихотворение «Божье слово». Тогда он верил, что слово – «птица вольная», но со временем научился укрощать его, подчинять поставленным партией задачам.

4 мая в Гарварде Эренбург и Симонов были почетными гостями конвенции, собравшей 79 журналистов – стипендиатов престижного фонда Nieman Foundation. О встрече с ними написал в студенческой газете *Harvard Crimson* Энтони Льюис, девятнадцатилетний студент, который станет известным журналистом, лауреатом Пулитцеровской премии (1955 и 1963 г.), членом Американского философского общества. На протяжении всей жизни Льюис будет писать и говорить о непреходящей актуальности Первой поправки к Конституции США, гарантирующей свободу слова и печати, читать посвященные ей курсы студентам и аспирантам Гарварда и Колумбийского университета. В 2007 году он издаст книгу «Свобода мысли, которую мы ненавидим. Биография Первой поправки». Он был убежден, что

²⁵ Аргус. О чем говорят: Слухи-факты. – Новое русское слово. 1946. № 12416. 26 апреля. С. 2. По словам Георгия Адамовича, М. К. Айзенштадт-Аргус представлял собой «явление оригинальнейшее» в литературе русской эмиграции как поэт, писатель-сатирик, автор нескольких книг (см.: Адамович 1969: 6).

²⁶ Слову – свобода!: Изд. Клуба московских писателей. 1917. 10 декабря.

Америка – «самое откровенное общество в мире», позволяющее «открывать секреты правительства и секреты спальни», «разоблачать правительство и друг друга без страха за последствия» (Lewis 2010: 11).

В советских журналистах девятнадцатилетнего Э. Льюиса удивила «степень их патриотизма – степень верноподданности, с которой Соединенные Штаты расстались в конце XVIII века»²⁷, когда была принята Первая поправка к Конституции США.

«Усталый, выглядевший на свои 55 лет <...>, скорее суровый, чем серьезный», «насмешливый, но не для того, чтобы вызвать улыбку» – таким увидел И. Г. Эренбурга Льюис. Когда знаменитого журналиста спросили, безопасно ли ему критиковать решения правительства, он сказал: «У журналистов в СССР есть внутренняя цензура. Мы знаем, что наша позиция подобна позиции других стран в военное время. Наш народ един. Мы так же уверены в нашем курсе, как вы в своем после Перл-Харбора. Кредо наших журналистов – поддерживать свою страну, что бы они ни думали»²⁸. Эренбург дал понять, что советские журналисты не хотят, не могут и не должны критиковать руководство страны независимо от своего отношения к нему, ушел от прямого ответа на вопрос и, разумеется, ничего не сказал о существовании цензурных запретов. Несмотря на попытку, по его слову, «выкрутиться», в гарвардском интервью Илья Григорьевич наиболее откровенно сформулировал принцип подчинения журналиста и писателя диктату государства. В журналистике внутренняя цензура была защитной реакцией на строгий цензорский контроль, поэтому Эренбург говорит о ней как о необходимом качестве советского журналиста, который сам знает, что и как писать²⁹. Этим качеством

²⁷ Lewis, J. A. Ehrenburg and Simonov Highlight Nieman Fellow Weekend Reunion. – The Harvard Crimson. 1946. May 7. P. 1, 4.

²⁸ Ibidem.

²⁹ По замечанию Т. М. Горяевой, самоцензура была «одним из характерных проявлений деформации гражданского общества» и «в условиях советского режима <...> приобрела гигантские масштабы, поразив не только массовое сознание, но и большей части творческой интеллигенции, которая всегда соотносила содержание текста на авторском листе с вероятностью его публикации» (Горяева 2009: 134).

прекрасно владел он сам – журналист, писатель, мемуарист, оратор. По замечанию Томаса Венцловы, Эренбург «был своим собственным цензором. Обычно ему удавалось найти золотую середину, в равной степени приемлемую и в равной степени не удовлетворяющую ни власти, ни читателей»³⁰.

Эренбурга раздражали (если не озлобляли) не только опасные разговоры о свободе прессы, но и интерес к нему американских журналистов с их стремлением поближе узнать советского гостя и, если повезет, «открыть его секреты».

Известный советский писатель, много лет проживший во Франции, автор недавно изданной в переводе книги «Падение Парижа», журналист, написавший за время войны 2000 статей, многие из которых перепечатывали американские газеты, Эренбург воспринимался как настоящая знаменитость. Как известно, знаменитости являются объектами особого интереса американских газетчиков и героями «профиля» – «журналистского жанра, цель которого – показать реального человека под маской публичной персоны и позволить читателям заглянуть в его частную жизнь» (Borchard 2022: 786). Именно в этом жанре написана статья Геральда Бланка для *PM* – нью-йоркской ежедневной газеты либерального толка (кстати, резко критиковавшей Херста и его концерн). Журналист обратился к Эренбургу с предложением пройти вместе с ним по магазинам Манхэттена. Предполагалось, что результатом прогулки должна стать статья, иллюстрированная фотографиями Ирвинга Хабермана³¹ (газета была известна своими фоторепортажами). По словам Г. Бланка, у Эренбурга, «очевидно, были сомнения, позволять ли репортеру и фотографу сопровождать его, но поскольку репортер мог говорить с ним по-французски и не спрашивал, какого цвета

³⁰ Venclova, T. Out of Chaos. [Review of:] *Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg* by Joshua Rubenstein. – The New Republic. 1996. Vol. 215. No. 12/13. September 16 & 23. P. 39.

³¹ Ирвинг Хаберман (Irving Haberman; 1916–2003) – один из самых знаменитых американских фотожурналистов прошлого века. Известен фотографиями политиков – Кеннеди, Никсона, Голды Меир, и знаменитостей – Л. Бернштейна, Элвиса Пресли, Мэрилин Монро, П. Ньюмана и др.

его нижнее белье, он сдался»³². В статье Бланк изобразил Эренбурга крупным планом: «грива седеющих волос придает ему вид усталого льва», «с лица не сходит выражение безнадежной тоски», у него «нехорошие зубы и свежий шрам на переносице». «Эти ваши стеклянные двери повсюду. Кто их видит? Что в них хорошего?» – объяснил происхождение шрама Эренбург.

Эренбург разговаривал не сразу – по замечанию Бланка, «он не из тех людей, с которыми легко найти контакт». Однако сама обстановка располагала к свободной беседе, и статья, написанная по впечатлениям дня, проведенного с Эренбургом, позволяет не только увидеть его глазами американца, но и услышать его интонации. Он рассказал о войне, о потерях Советского Союза, о восстановлении Москвы, где «сейчас лучше, чем в Париже, который не пострадал физически». Говорил о любимых американских писателях и о своей работе над новым романом «Буря». Критиковал американскую прессу с ее «неприятным и удручающим» интересом к мелочам и удивлялся, почему журналисты не задают ему вопросы о том, что он хорошо знает.

Неожиданно Эренбург сам завел речь именно о мелочах. «Не уверен, чья кухня хуже – английская или американская, – размышлял он вслух. – Думаю, скорее американская. Эта ваша привычка во все добавлять сахар – в огурцы, салат и даже в мясо – фу! Неужели ВСЕ нужно подслащивать?» Не нравилось ему в Америке и обилие лифтов: «с тех пор, как я сюда приехал, я ни разу не спустился по лестнице. Уоллес <министр торговли Генри Э. Уоллес. – Г. Л.> на днях порадовал меня маленьким подарком – предложил спуститься на один пролет. Я почти разучился это делать. Я встретился с ним за ланчем <Эренбург использовал английское слово *lunch*. – Г. Л.>. Звучит почти так же, как *Lynch*. И то и другое мне почти одинаково противно»³³.

Первой остановкой стала мастерская портного. Эренбург заказал синий костюм из шерстяной фланели, синий твидовый в елочку костюм, спортивный пиджак и спортивные брюки. «Все

³² Blank, G. PM Goes Shopping with Ilya Ehrenburg. – PM. 1946. May 2. P. 11.

³³ Ibidem.

эти вещи, – сообщил журналист, – будут сшиты по индивидуальной мерке и обойдутся в 155 долларов каждая». Он не мог знать о «командировочных», «выписанных» Сталиным, и предположил, что источник денег – либо работа Эренбурга в «Известиях», либо гонорар за роман «Падение Парижа». Когда портной снимал мерку для брюк, сверкнула вспышка фотографа. Эренбурга, по словам Бланка, «это озадачило и несколько обеспокоило»: «Для чего вы снимаете меня? Чтобы поразвлечься?» После того, как фотограф заверил Эренбурга, что читал его книги и уважает его как человека, и журналист перевел его слова на французский, он, кажется, успокоился. Однако вряд ли он мог предположить, что именно эта фотография появится в газете и Бланк расскажет, как Эренбург на вопрос портного, какую застежку на брюках он предпочитает, молнию или пуговицы, сказал: «Молния вполне может сломаться, и кто ее будет чинить в Москве?!»³⁴ – и предпочел пуговицы. Знаменитый писатель, возможно, испытал унижение, прочитав статью, однако очень скоро он изловчился и нашел возможность использовать ее в своих целях для разоблачения «бульварной» американской прессы. Пустяковый эпизод в примерочной, который можно было бы забыть, обрстал в его рассказах все новыми подробностями.

В конце мая Эренбург выступал в Гарлеме перед афроамериканскими студентами, преподавателями и журналистами, собравшимися в конференц-зале тринадцатэтажного Theresa Hotel – центре общественной жизни Гарлема. Репортаж об этом событии для влиятельной газеты афроамериканцев *Chicago Defender* написала близкая к коммунистическим кругам Тайра Эдвардс. По ее словам, Эренбург ответил на вопросы «с обаятельным юмором», рассказал о жизни в Советском Союзе, о проблеме свободы прессы у него на родине и в Америке. «Свобода прессы, – заявил он, – это вопрос уровня журнализма, а не степени свободы». Чтобы доказать, насколько низок уровень журнализма в Америке, он придумал историю, как

³⁴ Blank, G. PM Goes Shopping with Ilya Ehrenburg. – PM. 1946. May 2. P. 11. В 1940-е годы застежка-молния на мужских брюках полностью вошла в обиход в Америке, поэтому журналиста так удивило решение Эренбурга.

«американские репортеры, расспросив его о вопросах международной политики, написали статью, главная проблема которой – застегивает ли он брюки на молнию или на пуговицы». В Советском Союзе «такая статья отправилась бы в корзину для мусора, – заявил Эренбург. – Это пошлость, а не свобода»³⁵.

«Репортер крупной нью-йоркской газеты тайком пробрался к портному, который шил мне костюм, – написал он в путевом очерке из цикла «В Америке»³⁶. – На следующий день я увидел в газете фотографию – я примеряю брюки. Статья, сопровождавшая этот снимок, была посвящена жгучей проблеме: почему я предпочел на брюках пуговицу модной застежке “молния”» (Известия. 7 августа; Эренбург 1954: 704)³⁷. Надо отдать должное той ловкости, с которой он переиначивает ситуацию, изложенную в статье Бланка. Очевидно, что репортер сопровождал важного советского гостя с его согласия; когда портной снимал мерку, Эренбург был в старых брюках, а застежке «молния» посвящены два предложения, а не статья.

На этом Эренбург не остановился, поведав о перебранке с ответственным редактором газеты, которого он якобы спросил, «почему он напечатал такой вздор». Тот объяснил статью интересом к человеку, на что Эренбург «раздраженно сказал: “К его нижней половине”» (Известия. 7 августа; Эренбург 1954: 704). Когда в 1963 году Эренбург вспоминал свою поездку в Америку, он включил в мемуары и злосчастный эпизод в примерочной. Правда, на этот раз он ничего не сказал о застежке-молнии (она уже перестала быть редкостью в Советском Союзе), но вновь сообщил о появлении фотографа во время примерки брюк и повторил свою пошловатую остроту (см.: Эренбург 1990, 3: 60).

³⁵ Edwards, Th. Famous Soviet Novelist Selects “Poll Tax Belt” for U.S. Tour. – The Chicago Defender (National Edition). 1946. June 1. P. 2.

³⁶ Путевые очерки И. Эренбурга были напечатаны сначала в шести номерах «Известий» за 1946 г. под общим названием «В Америке», а затем, с некоторыми изменениями, в брошюре «В Америке» (1947). Далее ссылки на статьи из «Известий» даются в скобках с указанием даты публикации, а брошюра цитируется по: Эренбург 1954.

³⁷ Эренбург И. Американские впечатления. – Литературная газета. 1946. № 46 (2309). 16 ноября. С. 2.

Рассказывая о беззастенчивости американского репортера РМ, Эренбург предпочел промолчать о других его фотографиях в газете, под которыми стояли следующие подписи:

1. «Для чего вы меня снимаете?» – спрашивает Эренбург.
2. Известный русский писатель и военный корреспондент рассматривает ткани для одного из своих костюмов стоимостью 150 долларов каждый.
3. Эренбургу понравились сигары Havana's в Peterson's Pipe shop.
4. Эренбург решает, как платить по счету в долларах³⁸.

Журналиста явно заинтересовали экстравагантные вкусы советского писателя, который, сравнивая магазины на Пятой авеню с парижскими на фешенебельной торговой улице Rue de la Paix, сказал: «Такие же. Только немного больше роскоши и меньше вкуса» – и добавил: «Не пишите этого. Я и так на плохом счету». Бланк написал это и перечислил покупки, которые сделал в дорогих магазинах Эренбург: чемодан за 36 долларов (596 \$ по курсу 2025 г.), сумку на молнии за 9 долларов (145 \$), трубку за 10 долларов (162 \$), коробку гаванских сигар за 6 долларов 72 цента (113 \$)³⁹.

Из-за своей любви к дорогим магазинам Эренбург угодил в «Львиное логово». Так назвал свою ежедневную колонку в газете *New York Post* Леонард Лайонс, чья фамилия Lyons созвучна с притяжательным существительным lion's (львиный). Колонка сплетен, которую Лайонс вел на протяжении 40 лет, пользовалась популярностью и перепечатывалась десятками газет – в том числе херстовскими. Сам журналист считал себя не сплетником, а скорее посредником между знаменитостями и своими читателями. Он не писал о разводах, ссорах и любовных связях, не подглядывал и не злорадовал и, как утверждал журнал *Time*, «сохранил любовь и героев своей колонки, и ее читателей»⁴⁰.

³⁸ Фотографии перепечатал журнал *Newsweek* (1946. May 13. P. 66).

³⁹ Blank, G. PM Goes Shopping with Ilya Ehrenburg. – PM. 1946. May 2. P. 11.

⁴⁰ The Gentle Gossip. – Time. 1974. June 3. P. 39.

О знаменитом советском госте Лайонс написал всего пару строк: «Эренбург нашел время, чтобы посетить только один магазин. В Abercombie & Finch он купил кое-что для своей собаки: четыре ошейника, резиновую кость и средство от экземы»⁴¹. Журналисту показалось забавным, что гость из Советского Союза пошел покупать ошейник для собаки в самый дорогой в Америке спортивный магазин. Разумеется, среди его покупателей были многие из знаменитостей, о которых писал в своей колонке Лайонс.

Благодаря тому, что Эренбург попал в поле внимания Лайонса и узнал о его колонке, он будет «со знанием дела» говорить о низкосортной американской прессе и даже сможет для большей убедительности назвать имя (правда, исказив его) журналиста, распространяющего «неопрятные» сплетни. «Стиль бульварных газет весьма своеобразен, – напишет он. – Есть, например, журналист Лайн <sic!>; его статейки (неизменно с портретом автора) печатаются ежедневно в пятидесяти газетах. Статьи Лайна – это коллекция коротких и неопрятных сплетен: кто с кем отобедал и сколько долларов стоил обед, как сенатор Икс улыбнулся актрисе Игрек, или наоборот. Разумеется, и сплетни организованы: такого-то надо выдвинуть, такого-то потопить» (Эренбург 1954: 704).

О серьезной прессе, которая не обделила его вниманием, Эренбург предпочел не говорить – это не входило в его планы. Большая статья о трех писателях, «гостях из России», опубликованная в майском номере *New York Times Book Review*, была посвящена в основном Эренбургу (генерал Галактионов писателем не был, а Симонов на вопросы журналиста отвечал неохотно и односложно). Автор статьи Роберт ван Гелдер на протяжении трех лет (1943–1946) был редактором литературного приложения газеты *New York Times* и за это время напечатал около ста интервью с выдающимися американскими и европейскими писателями, которые собрал и издал в 1946 году отдельной книгой *Writers and Writing*⁴². В 1946 году

⁴¹ Lyons, L. *Broadway Gazette*. – *The Washington Post*. 1946. May 6. P. 12.

⁴² Несмотря на интерес современных исследователей к жанру интервью, в том числе интервью литературному, книга ван Гелдера незаслуженно забыта.

ван Гелдер ушел из газеты, чтобы самому заняться литературным творчеством⁴³. Считается, что последним писателем, у которого Роберт ван Гелдер взял интервью в начале 1946 г., был Эрих Мария Ремарк⁴⁴. Однако на самом деле последним стало его майское интервью с Ильей Эренбургом, в книгу не вошедшее.

В предисловии к книге "Writers and Writing" ван Гелдер рассказал, как, с его точки зрения, нужно проводить интервью. Собеседника, по его словам, «следует принимать таким, какой он есть»: не оценивать его, не «разбирать по косточкам» то, что он говорит (Van Gelder 1946: 14). «Лучший способ узнать человека – слушать, как он разглагольствует, и время от времени подталкивать его вопросом и больше не пребывать» (Ibid.: 13).

Именно этими правилами ван Гелдер руководствовался, пытаясь получше «узнать» своего советского собеседника. «У вас четыре писателя – они подобны деревьям, – рассуждал Эренбург. – Это Хемингуэй, Стейнбек, Колдуэлл, Фолкнер. Они большие и крепкие. Удивительно, что они выросли в стране, которая по сравнению с другими мало страдала, которая мало испытала войну и вряд ли знает, что значит страдание; появились в культуре, уровень которой вряд ли достаточно высок, чтобы объяснить их появление»⁴⁵. Роберту ван Гелдеру, очевидно, было что на это возразить, но он позволил Эренбургу высказаться и «подтолкнул» его вопросом о «скандале», разгоревшемся в Советском Союзе из-за некоторых пассажей в романе «По ком звонит колокол». «Есть страницы политически неверные, не основанные на четком понимании фактов», – ответил Эренбург. И добавил, что он говорит о Хемингуэе-писателе, а не политике⁴⁶. Он не сказал, что роман «По ком звонит колокол» не был напечатан в Советском Союзе, а сам он читал машинопись

⁴³ Его роман "Important People", вышедший в 1948 г., успеха не имел.

⁴⁴ См.: Lindley, D. The Literary Life: Its Perils, and Its Unique Rewards. – The New York Times. 1946. July 14. P. 107; Van Gelder, R. Erich Maria Remarque Lays Down Some Rules for the Novelist. – The New York Times Book Review. 1946. January 27. P. 3.

⁴⁵ Van Gelder, R. News and Views of Three Visiting Russian Writers. – The New York Times Book Review. 1946. May 19. P. 3.

⁴⁶ Ibidem.

перевода (см.: Эренбург 1990, 2: 130). «Эти четыре писателя, подобные деревьям, – повторил он некоторое время спустя, – растут, кажется, не только головой, мозгом, но всем своим существом». Из четверых он не был знаком только с Фолкнером, но «бьется об заклад, что тот пьет не меньше Хемингуэя». Эренбург принялся «с восторгом изображать Хемингуэя, повторяя: “Scotch and soda” – и поднимая воображаемый стакан. И снова: “Scotch and soda”, “scotch and soda”». Затем он с энтузиазмом начал рассказывать о своем новом романе, в котором постарается объяснить «психологический механизм сопротивления русских германскому вторжению». Именно психология героев интересует его, а не политические, экономические и военные факторы, обеспечившие победу⁴⁷.

Литературными вкусами советского писателя заинтересовался и журнал *The New Republic*, напечатавший большую статью «Илья Эренбург об американских писателях». Автор статьи Кэтти Лучхейм (политическая активистка, недавно вернувшаяся из Европы, где посещала лагеря перемещенных лиц⁴⁸) беседовала с Эренбургом по-французски. Эренбург встретил ее в тесном номере гостиницы: горы чемоданов по всем углам, возле двери грязные тарелки, которые не успели убрать после завтрака, секретарша без остановки говорит по телефону, туда-сюда ходят какие-то люди. Эренбург, ссутулившись, сидит в кресле с сигарой в руках. «Между двумя войнами единственная поистине великая литература была создана в Америке, – говорит он на прекрасном французском. – Великие американские писатели – Хемингуэй, Фолкнер, Колдуэлл и Стейнбек подобны небоскрегам в городах по всей Америке. Их мощная и оригинальная проза так же мало похожа на то, что производит средний американский писатель и что читают массы американцев, как непохожи небоскребы на одноэтажные дома, которые их окружают

⁴⁷ Van Gelder, R. News and Views of Three Visiting Russian Writers. – *The New York Times Book Review*. 1946. May 19. P. 3.

⁴⁸ К. Лучхейм (K. Louchheim) работала в аппарате Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA).

на главной улице американских городков»⁴⁹. На этот раз сравнение писателей с мощными деревьями сменилось сравнением с небоскребами, окруженными «одноэтажными домиками». Оно так полюбили Эренбургу, что он будет обращаться к нему снова и снова⁵⁰. Согласно Эренбургу, несмотря на существование писателей-«небоскребов», общий уровень литературы в Америке ниже европейского. «В Европе у нас, может быть, нет небоскребов, но у нас больше двух-, трех-, четырех- и даже восьмизэтажных зданий. Во Франции и в России больше хороших писателей более низкого уровня», – заявил он. Наконец, Эренбург счел возможным дать американцам совет: необходимо повышать уровень среднего человека, чтобы он смог научиться читать великих писателей. Предполагалось, что уровень среднего советского читателя достаточно высок, однако, когда Кэтти Лучхейм спросила, читают ли в Советском Союзе Достоевского, Эренбург ответил: «Нет, сейчас не читают, он слишком на их вкус отвратительный». Что касается романа «Преступление и наказание», то, как пошутил Эренбург, читать его мешает «жилищная проблема»: «Лучше не читать “Преступление и наказание”, если у вас нет двух комнат – одна для вас, а одна для книги. Как можно спать в одной комнате с этой книгой?»⁵¹

Возразил Эренбургу – причем достаточно резко – один из (средних?) читателей журнала *The New Republic* Эрвин Сван. «Интервью с Ильей Эренбургом было бы смешным, если бы не дурной вкус и низкий уровень критики, который продемонстрировал один из наиболее известных советских литераторов», – написал он. По мнению Свана, Эренбург назвал четырех писателей – Хемингуэя, Фолкнера, Колдуэлла и Стейнбека прежде всего потому, что их книги выходили большими тиражами, их печатали массовые журналы. Сван, в свою очередь, называет имена других американских и европейских

⁴⁹ Louchheim, K. Ilya Ehrenburg on American Writers. – *The New Republic*. 1946. July 1. P. 931.

⁵⁰ См.: Известия. 16 июля; Эренбург И. Американские впечатления. – Литературная газета. 1946. № 46 (2309). 16 ноября. С. 2 и др.

⁵¹ Louchheim, K. Ilya Ehrenburg on American Writers. – *The New Republic*. 1946. July 1. P. 931–932.

писателей, которые «приходят на память, когда речь идет о литературе между двумя войнами»: Уилла Кэсер, Томас Вулф, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Шервуд Андерсон, Синклер Льюис, Андре Жид, Олдос Хаксли, Андре Мальро, Джеймс Джойс, Томас Манн, Т. С. Элиот, Франц Кафка, причем «лишь немногие из них пользуются массовым признанием, которое Эренбург ошибочно принимает за гениальность».

«Что касается шутки по поводу отдельной комнаты, необходимой, чтобы читать “Преступление и наказание”, то она служит доказательством того, что его литературный вкус не лучше, чем у наших критиков, озабоченных только тиражами. <...> Пожалуйста, напечатайте этот тонкий одинокий голос против дурного вкуса, даже если этот вкус пролетарский»⁵², – заключает Эрвин Сван свое письмо в редакцию.

Первый месяц в Америке советским журналистам – и главным образом Эренбургу – приходилось много выступать. Американские газеты писали о его выступлениях во время приемов, ланчей, встреч с общественностью, цитировали Эренбурга, описывали его внешность, костюм. Впоследствии об Эренбурге в Америке напишет и его известный соотечественник – А. А. Громыко, который тогда сменил должность посла СССР в США на пост постоянного представителя СССР при ООН. Советское посольство, получившее, по словам Громыко, распоряжение из Москвы «оказать необходимое содействие на период их поездки по стране» (Громыко 2016: 512), разумеется, следило за пребыванием Эренбурга и его товарищей в Америке. В Нью-Йорке советский дипломат впервые встретился с Эренбургом, который произвел на него впечатление «яркой личности». «Я знал, – вспоминает А. А. Громыко, – что Эренбург умел выступать перед самой разной аудиторией. Но он меня приятно порашил тем, что не только оказался хорошим, опытным оратором, но и ежедневно выдерживал трудную нагрузку. Причем делал это в высшей степени умело и успешно. Ему ничего не стоило выступить почти с часовой речью перед одной аудиторией, а затем через

⁵² Swann, E. One Vote Against Ehrenburg. – The New Republic. 1946. July 29. P. 104.

несколько часов – с такой же по продолжительности лекцией – перед другой. Говорил он нестандартно. <...> Умел делать неожиданные, смелые обобщения и выводы» (Громыко 2016: 513). Не ограничившись комплиментами по поводу ораторского искусства советского журналиста, А. А. Громыко рассказал о неприятном инциденте с Эренбургом, свидетелем которого он стал. Оба они были почетными гостями на банкете в отеле «Пенсильвания», организованном Национальным советом американо-советской дружбы. По словам А. А. Громыко, «за столом экспромтом выступил Эренбург. Его речь, естественно, переводилась на английский язык. Переводчик – американец – очень старался, но в один из моментов допустил некоторую неточность. Заметили ее американцы, знавшие русский язык, и, конечно, мы – советские люди. Эренбург, когда ему об этом сказали, выразил недовольство и сделал переводчику «реприманд»». Вероятно, неуместное поведение гостя обратило на себя внимание, поскольку А. А. Громыко незадолго до отъезда Эренбурга мягко его упрекнул: «Да, возможно, не стоило так делать. Переводчик ведь большой друг Советского Союза. Но ничего страшного не произошло» (Громыко 2016: 513). Это был не единственный «реприманд», который сделал Эренбург американцам.

Однажды он, как писал популярный американский еженедельник, «нанес визит вежливости» Джо Дэвидсону – «бородатому скульптору, возглавлявшему просоветский Независимый комитет граждан по делам искусств, наук и профессиональной деятельности»⁵³. Дэвидсон, работавший в реалистической манере, за свою жизнь создал 450 скульптурных портретов знаменитых современников – Дж. Джойса, Р. Киплинга, Конан Дойля, Б. Шоу, А. Франса, Гертруды Стайн, Чарли Чаплина, Махатмы Ганди, Долорес Ибаррури и др. и в середине прошлого века был на пике своей славы. Реализм американского скульптора претил вкусам поклонника и друга Пикассо, и Эренбург преподавал Дэвидсону урок, «недипломатично заявив, что для политического радикала подобное искусство слишком устарело». В ответ Дэвидсон показал ему на дверь. Уладить конфликт взялись

⁵³ Art and Politics. – Newsweek. 1946. Vol. XXVIII. No. 2. July 8. P. 14.

Симонов с Галактионовым, которые на следующий день извинились перед скульптором за Эренбурга и пригласили его обязательно посетить СССР. «Извинения и приглашение были приняты»⁵⁴.

8 мая в отеле «Commodore» Американско-биробиджанский комитет (Амбиджан) устроил прием в честь Эренбурга и Симонова. Советский консул настоятельно просил их принять приглашение. В годы войны Амбиджан, основанный в 1934 году для помощи переселенцам в Еврейскую автономную область, расширил свои функции и взял под свое попечение 1000 сталинградских сирот из детского дома «Серебряные пруды». О приеме, собравшем в зале отеля более тысячи американцев (в основном это были иммигранты из России), подробно рассказала своим читателям газета «Новое русское слово». Вначале выступили руководители комитета, которые отчитались о его работе и рассказали о намерении «в текущем году <...> собрать 2 000 000 долларов». Затем «был устроен сбор», который «дал свыше 30 000 долларов». «Первый чек в 10 000 долларов внес член комитета Джозеф Моргенстерн», – называет газета весьма внушительную сумму взноса⁵⁵.

Главными героями вечера должны были стать советские гости. Симонов не обманул ожиданий собравшихся. Он «говорил просто, без внешней аффектации, но в словах его чувствовался подлинный пафос и большое внутреннее волнение». Рассказав о том, что его «товарищи евреи <...> своей борьбой на всех фронтах раз и навсегда опровергли все глупые и подлые выдумки, которые распространяли о них фашисты», что «самые проникновенные слова о русской культуре сказал еврей Илья Эренбург», он призвал всех продолжать борьбу с фашизмом, который не до конца побежден. Наконец Симонов прочел заключительные строки стихотворения «Убей его», и зал отозвался «громом аплодисментов».

Эренбурга встретили «грандиозной овацией», однако он «сразу вылил ушат холодной воды на головы американских евреев».

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ А. С. Патетическая речь К. Симонова на приеме Биробиджанского комитета. – Новое русское слово. 1946. 10 мая. С. 2.

«Хорошо, что вы даете деньги. Было бы лучше, если бы вы делали это скромнее... У нас кровь отдавали молча. Вы не жертвуете, вы отдаете долг за спасение жизни», – упрекал он благотворителей, «которые отдавали во время войны не только доллары, но и своих сыновей в американскую армию». Эренбург предупредил собравшихся, что порочить Советский Союз – значит работать на фашистов, и заверил, что в Советском Союзе нет еврейского вопроса. «Поучения Эренбурга» «вызывали среди части слушателей чувство большой неловкости»⁵⁶, однако сам он не только не испытал неловкости, но и остался доволен собой: о приеме, устроенном Амбиджаном, он написал несколько раз. Напомнив читателям «Известий», что «деньги в Америке окружены уважением», он рассказал об «обеде-митинге», на котором ему удалось побывать: «Сначала все поспешно жуют курицу, потом ораторы произносят длинные речи, потом певица исполняет сентиментальный романс, потом пастор приступает к сбору денег на благотворительные нужды. Он оглашает имена наиболее щедрых жертвователей: “Мистер Смитс дал пятьсот долларов”... Все дружно аплодируют, а мистер Смитс встает и кланяется» (Известия. 16 июля).

В брошюре Эренбург назвал «обед-митинг» «приемом одного прогрессивного общества». Пастор на этот раз назван «специалистом по сбору денег», которому это занятие приносит «подсобный заработок», а некто Смитс пожертвовал тысячу долларов. «Когда я сказал, что у нас люди, борясь за мир, отдавали свою жизнь с большей скромностью, чем присутствующие дают доллары, – написал Эренбург самодовольно, – меня не поняли, а один американец участливо спросил: “Вы не больны?” Будучи “прогрессивным”, он мог отрицать все, только не доллары» (Эренбург 1954: 676)⁵⁷.

⁵⁶ А. С. Патетическая речь К. Симонова на приеме Биробиджанского комитета. – Новое русское слово. 1946. 10 мая. С. 2.

⁵⁷ Почти двадцать лет спустя Эренбург вернулся к этому эпизоду в своих мемуарах. Кампания по борьбе с космополитизмом была в прошлом, и можно было не скрывать, что прием устраивало не «прогрессивное общество», а «одна из еврейских организаций» (Эренбург 1990, 3: 44).

Недружелюбные выпады Эренбурга против американских евреев в 1946 году пришлось ко времени в 1948 году, когда нарастала кампания борьбы с космополитами. «Там, в Америке, евреи не понимают трагедии еврейского народа, – заявил Эренбург, выступая в июне 1948 года перед еврейскими писателями г. Лодзь, – нужно им напоминать. Нужно их обучать»⁵⁸.

Громко заявляя в своих выступлениях во время американского турне, что в Советском Союзе нет еврейского вопроса, в частной беседе с верными друзьями Эренбург мог позволить себе сказать правду о растущей угрозе антисемитизма. В Нью-Йорке он встретился с испанским художником, бойцом-республиканцем Фернандо Херасси и его женой Стефой, с которыми подружился во время войны в Испании. В 1990 году вспоминая эту встречу в интервью с биографом Эренбурга Д. Рубинштейном, Стефа Херасси рассказала, что Эренбург «откровенно говорил о том, как мучительно переживает советский антисемитизм» (Рубинштейн 2002: 255).

Встретился Эренбург и со старым другом Романом Якобсоном. Они познакомились в Берлине в 1923 году, виделись в Праге, Брно, Париже, после 1953-го – в Москве. О встрече в Нью-Йорке Эренбург написал очень кратко: «...мой старый друг Р. О. Якобсон ночь напролет рассказывал мне о новорожденной науке и о “мыслящих машинах”» (Эренбург 1990, 3: 366). На самом деле им было о чем говорить, кроме «мыслящих машин», было что вспомнить. «А помнишь, как в 39-м...» – обратился Якобсон к другу, на что тот «сразу же решительно и твердо ответил: “Нет, не помню”». Объясняя реакцию Эренбурга, Б. Я. Фрезинский написал: «После войны, ставшей его звездным часом, у него не было никакого желания возвращаться в тот жуткий год...» (Фрезинский 2013: 220)⁵⁹.

Общий друг Эренбурга и Якобсона польский поэт Юлиан Тувим принимал Илью Григорьевича в своей нью-йоркской квартире «среди сундуков и чемоданов: через неделю он должен был уехать

⁵⁸ Pat, J. Anti-Semitism in Soviet Russia. – New Leader. 1948. Vol. 31. June 5. P. 48.

⁵⁹ Об этом эпизоде известный филолог Омри Ронен рассказал Б. Я. Фрезинскому со слов самого Якобсона.

во Францию, а оттуда в Варшаву. Он был необычайно весел, приподнят. Многие поляки, жившие тогда в Нью-Йорке, пробовали его отговорить: возвращение в Варшаву они называли “предательством”. <...> жил он одним – близкой встречей с Польшей» (Эренбург 1990, 1: 401). Эренбург высоко ценил и поэзию Тувима, которого много переводил, и публицистику, особенно его манифест-обращение «Мы – польские евреи». По словам Б. Я. Фрезинского, обращение глубоко потрясло Эренбурга, для которого тема еврейства была почти недоступной «в силу жесткой политической цензуры в СССР», и он «всюду, где мог, начиная с 1944 года, его цитировал в своем переводе» (Фрезинский 2013: 618).

В Гарлеме Эренбург оказался благодаря Полу Робсону. Олли Харрингтон (политический карикатурист, борец за права чернокожих) вспоминал, как однажды «Пол вошел в ветхую редакцию одной гарлемской газеты вместе с Ильей Эренбургом, одним из великих мировых писателей. <...> Робсон поговорил с журналистами. Эренбург обратился к ним и поблагодарил от всего Советского Союза всех американцев за оружие, которое Красная армия так успешно использовала в борьбе с гитлеровскими ордами. И он ясно дал понять, что его глубокая благодарность адресована и всем людям Гарлема»⁶⁰.

На машине Эренбурга привезли в Принстон, где он встретился с Альбертом Эйнштейном. Понимая масштаб этого человека, Эренбург ловил каждое его слово, а вернувшись в гостиницу, записал все, что смог запомнить. В книге очерков 1946 г. он ограничился тем, что пересказал услышанную от Эйнштейна притчу об одном африканском племени, у которого «нет ни истории, ни традиций, ни легенд». Считая, что эта притча относится и к американцам, Эренбург впоследствии будет много раз ее повторять (см.: Эренбург 1954: 683–684). По-видимому, самой важной темой его разговора с Эйнштейном была так называемая «Черная книга» – сборник документов и свидетельств очевидцев о преступлениях нацистов против

⁶⁰ Harrington, O. Our Beloved Pauli. – Freedomways: A Quarterly Review of the Freedom Movement. 1971. Vol. 11. No. 1 (First Quarter). Paul Robeson: The Great Forerunner. A Special Issue. P. 62.

евреев на оккупированных территориях. Он составлялся в СССР по инициативе самого Эйнштейна и Американского комитета еврейских писателей, художников и ученых, и Эренбург до конца 1945 г. принимал самое непосредственное участие в его подготовке⁶¹. Впервые об обсуждении с Эйнштейном «Черной книги» он напишет лишь в своих воспоминаниях (см.: Эренбург 1990, 3: 59). Даже в 1965 году Эренбург предпочел не говорить, что Эйнштейн в 1942 г. был инициатором ее создания и написал к ней предисловие, которое испугало руководство ЕАК (Еврейский антифашистский комитет во главе с С. М. Михоэлсом) «немыслимыми в СССР формулировками учебного» и в конце концов было отвергнуто (Фрезинский 2013: 245). Весной 1946 года надежда на издание «Черной книги» на русском языке еще оставалась (окончательное заключение о ее запрете было принято 7 октября 1947 г.)⁶², и Эренбург привез Эйнштейну «некоторые опубликованные материалы, фотографии» (Эренбург 1990, 3: 59)⁶³.

16 мая Эренбург отправился в поездку по южным штатам – как он сказал Эйнштейну, «поглядеть, как живут негры» (Эренбург 1990, 3: 59). Решение поехать на Юг Эренбург принял давно. 28 апреля, вскоре после завершения собрания газетных редакторов, советских гостей пригласили в Госдепартамент и предложили совершить ознакомительную поездку по стране. «Мы хотим, чтобы вы посмотрели все, что пожелаете, – обратился к ним по-русски представитель Госдепартамента. – Мы хотим, чтобы вы знали, что у нас нет закрытых территорий. У вас будет возможность поехать куда угодно. <...> Есть вещи, которыми мы не можем гордиться. Кое-что мы стараемся исправить. Возможно, мы пока в этом не преуспели, но, по крайней мере, мы стараемся»⁶⁴. Симонов, которого прежде

⁶¹ Подробнее об истории подготовки издания и его запрета см.: Альтман, Карасик 2018: 133–138; Фрезинский 2013: 236–255; Ro'i, Ya. Black Book. – The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. <https://encyclopedia.yivo.org/article/70>.

⁶² См. «Заключение управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о невозможности издания “Черной книги”»: Государственный антисемитизм 2005: 101.

⁶³ Это мог быть сборник «Нароодоубийцы», в который вошли 58 документов, изданный на языке идиш в 1944 и 1945 г., и номера 1–2 журнала «Знамя» за 1944 г., где были напечатаны очерки под тем же названием (см.: Фрезинский 2013: 240).

⁶⁴ Childs, M. The Russian Journalists' Tour. – The Washington Post. 1946. April 29. P. 7.

всего в Америке интересовало кино, захотел поехать на Запад в Голливуд, Галактионов – в Чикаго, изучать работу газетных редакций, Эренбург – на Юг. Маркус Чайлдс, известный журналист (кстати, много писавший о проблемах бедняков), в своей колонке “Washington Calling” откликнулся на решение Эренбурга: «Было достаточно очевидно, что Илья Эренбург, в некотором отношении наиболее яркий и агрессивный из трех, выбрал своей целью Табачную дорогу. Говорят, что его талант подкрепляется большой долей цинизма, и он знает, что редакторы “Правды” будут приветствовать рассказы о том, в какой нищете и убожестве живут белые бедняки на Юге»⁶⁵. Чайлдс не ошибся, предположив, что гость будет писать с оглядкой на советских идеологов и цензоров, однако Эренбурга на Юге интересовала не столько жизнь белых бедняков, о которой писал Колдуэлл в «Табачной дороге», сколько, по его собственным словам, «положение негров в Америке» (Эренбург 1990, 3: 49)⁶⁶. Он проедет по Теннесси, Алабаме, Миссисипи, Луизиане – южным штатам, где была узаконена расовая сегрегация, где делалось все, чтобы не допустить к выборам афроамериканцев, где «идея превосходства белой расы жила в сердцах многих белых американцев» (Tischauer 2008: 104). Позднее американские газеты в шутку напишут, что маршрут выбрал для Эренбурга сенатор Теодор Бильбо⁶⁷. В этой шутке была доля истины. Имя сенатора Бильбо⁶⁸, члена Ку-клукс-клана, сторонника суда Линча, белого супрематиста, который «не только громко заявлял, что негры относятся к низшей расе, но и призывал к их изоляции <...>, репатриации в Африку» (Zorn 1972: 289), стало нарицательным. В то время, как «поражение фашизма положило конец планам нацистов создать высшую расу, американские супрематисты не сдались и боролись за господство англосаксов после окончания войны», – пишет американский историк (Tischauer 2008: 104). Для Эренбурга расизм, узаконенный

⁶⁵ Childs, M. The Russian Journalists' Tour. – The Washington Post. 1946. April 29. P. 7.

⁶⁶ Эренбург частично процитировал статью Чайлдса.

⁶⁷ См.: Goodbye, Илья Grigorevich. – The Nation. 1946. July 6. P. 4.

⁶⁸ Теодор Гилмор Бильбо дважды избирался губернатором штата Миссисипи (1916–1920, 1928–1932) и с 1935 по 1947 г. был сенатором.

в южных штатах, был сродни антисемитизму в нацистской Германии. Как справедливо заметил биограф Эренбурга Джулиан Лайчук, «черным отводилось такое же место в американском обществе, что и *Untermenschen* – не арийцам в теории и практике нацизма» (Laychuk 1991: 228). Эренбург будет собирать свидетельства расовой дискриминации в США подобно тому, как они с Василием Гроссманом собирали свидетельства о зверствах фашистов на оккупированной территории Советского Союза, которые должны были войти в «Черную книгу». Поездка на Юг стала для Эренбурга чем-то вроде полевого исследования расизма. По словам Д. Лайчука, «учитывая его настроения этого времени, Эренбург в своем экспрозе расизма сознательно стремился опозорить американцев» (Laychuk 1991: 227).

О расизме как о зле, которое необходимо преодолеть, писали и говорили сами американцы. Бильбоизм стал обозначением болезни, которая обезображивала американский Юг. Госдепартамент не только не сделал попытки скрыть от советского журналиста реальное положение афроамериканцев в южных штатах, но и помог ему организовать поездку. В качестве переводчика Эренбурга сопровождал представитель Госдепа Уильям Нельсон, первый редактор журнала «Америка» на русском языке, который начал выходить в 1945 году в результате соглашения, достигнутого годом раньше между американским послом в Москве Гарриманом и министром иностранных дел Молотовым. «Нельсон обращался к местным властям; меня приглашали на официальные обеды – то председатель торговой палаты, то издатель крупной газеты, то чиновник, занятый делами культуры» (Эренбург 1990, 3: 51), – вспоминал Эренбург.

Провезти советского гостя по Югу в своем бьюике вызвался южанин Д. Гилмор, известный тем, что с 1940 по 1941 г. редактировал и, возможно, финансировал прокоммунистическую газету *Friday*. Эренбург называет его в воспоминаниях «прогрессивным южанином», а журналист и писатель Юджин Лайонс в своей книге – «молодым сталинистом, который беспрекословно следовал линии партии» (Lyons 1941: 380).

Четвертым членом – и хроникером – экспедиции стал Сэмюэль Грэфтон, журналист, чей «либеральный голос звучал в американской

прессе с 1940-х до 1960-х годов»⁶⁹. Особую известность С. Грэфтон приобрел благодаря своей колонке “I’d Rather Be Right” («Лучше бы мне не ошибиться»; 1939–1948), которую перепечатывали 120 газет по всей стране. Именно для этой колонки он написал серию статей о путешествии советского гостя по Югу. Эренбург, очевидно, остался ими доволен, поскольку охарактеризовал С. Грэфтона как «одного из блистательных нью-йоркских журналистов» (Известия. 24 июля). Американский журналист стал свидетелем работы журналиста советского, причем статьи обоих дополняют друг друга. Между всеми участниками экспедиции установились дружеские отношения. Американцы стремились помочь Эренбургу – его возили, заботились о ночлеге (не везде были гостиницы), устраивали встречи с самыми разными людьми, помогали узнать Юг, законы, по которым он живет, пусть самые позорные. Как писал журнал *Time*, «это была свобода, о которой американским журналистам в Москве остается только мечтать»⁷⁰. Эренбург в полной мере воспользовался предоставленной ему свободой.

Сэмюэль Грэфтон присоединился к экспедиции в городе Бирмингем, штат Алабама⁷¹, где, как в большинстве других южных штатов, действовали жестокие «законы Джима Кроу» (Jim Crow Laws). Здесь важным для Эренбурга событием стала встреча с редактором газеты афроамериканцев *Birmingham World* Эмори Джексон, который был в авангарде борьбы за гражданские права афроамериканцев (и прежде всего – движения за равные избирательные права) в Алабаме. Грэфтон довольно подробно описал встречу Эренбурга с журналистом из Бирмингема: «Илья Григорьевич задался целью как следует изучить положение негров в Алабаме. Он подошел к проблеме с экономической точки зрения, затем с политической, наконец, с социальной. Он жадно расспрашивал Джексона по-русски и по-французски – выясняя

⁶⁹ Samuel Grafton, 90, Newspaper Columnist. – The New York Times. 1997. December 15. P. B 7.

⁷⁰ Ehrenburg Goes South. – Time. 1946. June 10. P. 70.

⁷¹ В городе с населением около 267 тысяч человек афроамериканцы составляли более 40 процентов.

численность населения, шкалу заработной платы, данные об образовании. Вскоре в небольшой комнате редакции <...> возникла некоторая напряженность. Оказалось, что мистер Джексон должен был уйти на похороны, но Илья Григорьевич, решив, очевидно, что поскольку хоронят не самого Джексона, продолжал сыпать вопросами»⁷². Американский журналист с удивлением наблюдал Эренбурга в роли интервьюера и вскоре убедился, что отвечать на его вопросы – «опыт травматический для любого, поскольку тот считает, что получить информацию можно не раньше чем за два или три часа расспросов»⁷³. Когда Илья Григорьевич наконец понял, что невозможно дольше задерживать собеседника, он пришел в смятение – ведь работа едва началась – и успокоился, только когда Джексон пообещал в свободное время ответить на 10 вопросов, которые Эренбург ему тут же написал.

Сам Эмори Джексон в колонке для *Birmingham World* (которую часто перепечатывали другие газеты афроамериканцев) тоже рассказал о визите в редакцию Эренбурга, о том, как тот «жадно собирал свежую, из первых уст информацию о положении негритянских граждан на Юге. <...> Его интересовали четкие формулировки и честные мнения. <...> Я ответил на несколько вопросов, и мы разошлись, договорившись снова встретиться. Эренбург оставил свои вопросы. Слышали бы вы мои ответы»⁷⁴, – заключил он свою заметку. Узнать ответы Эмори Джексона можно из очерка «В Америке». Констатируя, что «негры в южных штатах лишены права голоса», Эренбург привел данные об общей численности негритянского населения и количестве чернокожих избирателей в Бирмингеме и подробно описал способы, которыми пользуются южане-расисты, чтобы не допустить афроамериканцев к голосованию (см.: Известия. 24 июля; Эренбург 1954: 694). Источник информации советский журналист не называет, однако очевидно, что почерпнул он ее из разговора и письменных ответов Эмори Джексона.

⁷² Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 23. P. 32.

⁷³ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – Ibid. May 27. P. 26.

⁷⁴ Jackson, E. O. The Tip-Off. – Atlanta Daily World. 1946. June 4. P. 5.

Там же, в Бирмингеме, Эренбург беседовал с председателем профсоюза металлургов, «человеком смелым и культурным», который сказал ему, «что ни разу ни один белый товарищ не пришел к нему домой и не позвал его к себе» (Известия. 25 июля; ср.: Эренбург 1954: 694; Эренбург 1990, 3: 53). Грэфтон записал этот разговор следующим образом:

Приходят ли к вам домой белые рабочие?

– Нет.

Вы к ним ходите?

– Нет.

Что же такое, по-вашему, дружеские отношения?

– Дружеские на работе⁷⁵.

Вероятно, вопросы журналиста обескуражили рабочего, поскольку, по словам Сэмюэля Грэфтона, «напористая, полемическая манера Эренбурга мешает многим американцам понять советского человека»⁷⁶.

Наблюдая за Эренбургом, американский журналист пришел к выводу, что «его ум устроен так же, как у любого интеллектуала. <...> Разница в определенной жесткости, почти свирепости, если заходит речь о политических проблемах. Он не признает, когда его ценности не полностью разделяют, не признает нюансов настроений или технических оправданий того, что он считает политическими ошибками»⁷⁷.

Во время путешествия по дорогам Алабамы спутники Эренбурга на смеси французского и русского языка объясняли ему, что, хотя расистские настроения и существуют в Америке, в федеральной законодательной политике страны нет и следа расизма. На это Эренбург ответил нравоучительной лекцией об отсутствии антисemitских настроений у русских людей. «В царской России существовал закон, который загонял евреев в гетто, однако среди интеллигенции

⁷⁵ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 23. P. 32.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 24. P. 34.

антисемитизма не было, – сказал он. – Интеллигенция создала объединенный фронт против расизма, и русский интелlectual скорее признался бы в том, что у него есть венерическое заболевание, чем в том, что он заражен антисемитизмом. Русские люди помогали евреям, и гораздо хуже иметь расизм в сердцах людей, а не в законах, чем иметь его в законах, а не в сердцах»⁷⁸. В подтверждение того, что антисемитизма в сердцах людей нет, он рассказал о женщине, прятавшей во время немецкой оккупации Монастырщины мужа-еврея в яме под печкой. Эта трагическая история (мужчина погиб во время обстрела под развалинами дома) вошла в «Черную книгу» под редакцией Эренбурга (см.: Черная книга 2015: 284–285).

В столь же назидательной манере он говорил с журналистами во время пресс-конференций. На вопрос, волновавший многих американцев, может ли Советский Союз начать войну, он заявил: «Это все равно что спрашивать раненого солдата, вернувшегося домой, на кого тот собирается напасть». По словам С. Грэфтона, американцы пришли в замешательство, ожидая получить односложный ответ на простой вопрос. «Воцарилось молчание <...>. Словно кто-то разбил тарелку в комнате»⁷⁹.

В городе Джексон, столице штата Миссисипи, газета *Jackson Daily News* организовала встречу Эренбурга с представителем торговой палаты М. Дэвисом (Mendell M. Davis) и юристом Стоуксом Робертсоном (Stokes V. Robertson), от которых советский гость мог «получить информацию о промышленном развитии Юга и расовых проблемах»⁸⁰. Как именно проходила встреча, неизвестно – «новости никогда не были сильной стороной газеты», по сути своей расистской (Houston 2009: 136). Однако Эренбургу удалось в неформальной обстановке «откровенно и задушевно» поговорить с адвокатом Робертсоном, которого он назвал «одним из самых благородных людей, яростным противником рабовладельцев»

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 24. P. 34; Ehrenburg Goes South. – Time. 1946. June 10. P. 70.

⁸⁰ Baker, F. Soviet Writer, Jackson Leaders Talk of Dixie's Position in U.S., World. – Jackson Daily News. 1946. May 22. P. 1.

(Известия. 25 июля), «защитником негров» (Эренбург 1954: 698). С. Робертсон, в отличие от Эмори Джексона, которого ждали на похоронах, никуда не торопился, и Эренбург расспрашивал его до глубокой ночи. По словам Грэфтона, «интервью началось в одиннадцать часов вечера. Одиннадцать растянулось до двенадцати, двенадцать до часу, а вопросы все не иссякали». Из беседы с адвокатом Эренбург узнал, как работает южная юстиция, по его словам «напоминавшая суд Линча». Именно Робертсон рассказал о последних и самых вопиющих случаях бесправия афроамериканцев перед неписаными законами Юга, которые Эренбург будет снова и снова приводить в своих очерках, изменяя топонимы, что-то опуская или добавляя для большего драматизма. Работая над очерком о расизме, Эренбург следовал тем же принципам, как при работе над «Черной книгой». По словам исследователей «Черной книги», идея Эренбурга «была в том, чтобы не только представить документы, а показать весь масштаб трагедии, заставить читателя ужаснуться, сделав эти документы “живыми свидетельствами”» (Альтман, Карасик 2018: 135). Из рассказа Робертсона он узнал о нашедшем деле двадцатичетырехлетней Реси Тайлор, изнасилованной расистами 3 сентября 1944 г. в городе Аббевилл (Abbeville), штат Алабама. Жюри присяжных, состоявшее из белых мужчин, не признало виновными ни одного из насильников (см.: Berry, Gross 2020: 160). Городок Аббевилл, где произошло преступление, Эренбург называет Альбевилем в ранних очерках и почему-то Олбезиллом в мемуарах (см.: Известия. 25 июля; Эренбург 1954: 697; Эренбург 1990, 3: 53). Очевидно, проверка топонимов и даже имени жертвы (Эренбург называет ее «негритянской девочкой») не входила в задачу советского журналиста.

«В городе Колумбия предали суду тридцать негров. За что? Белые, устроив погром, убили двух негров и ранили двенадцать. <...> отвечать будут не убийцы, а отцы, братья, сыновья убитых» (Известия. 25 июля; ср.: Эренбург 1954: 697), – сообщит Эренбург читателям «Известий». О расправе в г. Колумбия на протяжении нескольких месяцев писали американские газеты. Публичность привела к тому, что справедливость восторжествовала: жюри присяжных 4 октября 1946 года оправдало 23 из 25 подсудимых

(см.: Beeler 1980: 59). Узнать о дальнейшей судьбе подсудимых и написать о ней в брошюре, вышедшей в 1947 г., Эренбург посчитал необязательным.

«Если негр сойдется с белой женщиной, негра обвинят в изнасиловании и посадят на электрический стул» (Известия. 25 июля) – еще одно преступление расизма, о котором Эренбург услышал от адвоката Робертсона. В брошюре 1947 г. он уточнил, что жертвой расизма «был молочник, развозивший молоко», и сообщил, что «негра <...> казнили» (Эренбург 1954: 696, 697). В статье «Сверхчеловеки Америки» (сентябрь 1949 г.) он добавил – вероятно, для большего драматизма: «Когда я был в городе Джексоне, там казнили негра» (Эренбург 1950: 121). Наконец, в 1963 г. в статье для журнала «Юность», которую он включил в мемуары, он назвал (исказив его) имя казненного – Вилли Меги (см.: Эренбург 1990, 3: 53). Имя афроамериканца, несколько лет не сходившее с газетных страниц, – Вилли МакГи (Willie McGee). Он был обвинен в изнасиловании белой женщины, приговорен к смертной казни в 1945 г. и казнен – несмотря на многочисленные протесты – в 1951 г., а не во время визита Эренбурга в г. Джексон.

Беседа Эренбурга с адвокатом, который с готовностью отвечал на вопросы пытливого советского журналиста, затянулась. Наконец Илья Григорьевич расслабился было, но вдруг обратился к собеседнику с последним вопросом (который Грэфтон не привел). Эренбург спросил адвоката, «как лично он относится к неграм» (Эренбург 1954: 699). «Обладавший редким даром давать прямые фактические ответы на прямые вопросы»⁸¹, Робертсон признался, что новорожденный ребенок его чернокожей прислуги вызвал у него неприязнь – «живое существо, а все-таки не белый... Я сам себе неприятен...» (Эренбург 1990, 3: 53). Что за этим последовало, мы узнаем от С. Грэфтона:

«Как, по-вашему, я, советский гражданин, должен относиться к тому, что вы только что сказали?» – спросил Илья Григорьевич.

⁸¹ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 27. P. 26.

Двух усталых мужчин разделяла огромная пропасть – такая же безмерная, как расстояние между звездами, которые смотрели на них из окна, и вдруг после длинного дня настал момент просветления. «Единственное, что я могу сказать, – проговорил юрист с безысходной мрачностью, – это то, что я с моим жизненным опытом и образованием не в состоянии понять вас так же, как и вы с вашим образованием и жизненным опытом не можете понять меня». Это было мгновение почти что близости в осознании расстояния, их разделяющего, но лишь мгновение⁸².

Никакого понимания между простыми южанами и Эренбургом не возникало. Сопровождавший его Грэфтон рассказал, как однажды они подошли к довольно жалкой негритянской хижине. «Россия так далеко, что, когда в Америке день, там ночь», – попытался завести разговор кто-то из ее обитателей. «Илья Григорьевич улыбается, окидывает глазами хижину и говорит: “А иногда, когда здесь темно, в России светит солнце”. Никто не понял, о чем он. “Это так”, – соглашаются они»⁸³. Эренбург, который, кажется, даже мыслит советскими метафорами, не мог согласиться с тем, что ночь регулярно спускается на Советский Союз, где люди живут «под небом ясным страны прекрасной»⁸⁴. Иначе, по его мнению, обстоят дела с Америкой. Об этом через три года Эренбург напишет книгу «Ночь Америки». (Одна из ее глав, «Предел ночи», начинается со слов: «Черное небо Америки...»⁸⁵.)

29 мая, вскоре после возвращения Эренбурга в Нью-Йорк, в Мэдисон-сквер-гарден состоялся многолюдный митинг в честь советских журналистов, организованный Национальным советом американо-советской дружбы. К этому времени холодная война стала набирать силу, раскол бывших союзников был очевиден. В сложившейся ситуации важно было привлечь как можно больше

⁸² Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 27. P. 26.

⁸³ Ibidem.

⁸⁴ Слова В. Агатова из «Физкультурной боевой песни» (1940); также: В. Лебедев-Кумач. «Глянешь на солнце – и солнце светлей, жить стало лучше, жить стало веселей» (1936).

⁸⁵ Эренбург И. Г. Ночь Америки. – РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 14. Ед. хр. 854. С. 111.

сторонников, готовых поддерживать Советский Союз в противостоянии грядущей угрозе. Митинг, собравший 20 тысяч человек, стал финалом в истории союзнических отношений и кульминацией миссии трех журналистов, поездке которых в Соединенные Штаты придавалось, как мы помним, прежде всего политическое значение. Кроме советских журналистов перед многотысячной аудиторией выступили Корлисс Ламонт, председатель Совета американско-советской дружбы, американский философ, симпатизировавший Советскому Союзу и Сталину – будь то Московские процессы или послевоенная политика вождя; бывший посол в Москве Дэвис – почетный председатель Совета, большой поклонник Сталина; сенатор Д. Томас, председатель комиссии по военным делам; У. Э. Б. Дьюба – афроамериканский общественный деятель, основатель Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (National Association for the Advancement of Colored People, NAACP); Шолом Аш, еврейский писатель и драматург. Постоянный представитель СССР при ООН и в Совете Безопасности ООН А. А. Громыко говорил о том, что эта международная организация призвана «вести неустанную борьбу против поджигателей войны, против остатков фашизма и кое-где еще существующих фашистских порядков»⁸⁶.

Евгений Добренко, указывая на связь дискурсов войны и мира в послевоенной публицистике Эренбурга, писал: «Новый враг, интенсивно формировавшийся в послевоенной культуре, типологически не изменился со времен войны, так и оставшись фашистом» (Добренко 2020: 412). Фашист, как не раз повторял Эренбург, – это «тот, кто ненавидит Советский Союз». Так же трактовали фашизм и друзья Советского Союза, выступавшие на митинге в Мэдисон-сквер-гарден, заявляя, что «борьба с войной и фашизмом не закончена» (Ehrenburg, Galaktionov, Simonov 1946: 3), «фашистские элементы требуют войны» (Ibid.: 17), «фашизм притаился в засаде» (Ibid.: 6). Выступление Эренбурга было самым ярким и резким. «Люди, которые теперь мечтают о походе против Советского

⁸⁶ Митинг советско-американской дружбы в Нью-Йорке. – Известия. 1946. № 127 (9043). 31 мая. С. 4.

Союза, – это те же фашисты, на каком бы языке они ни разговаривали, – заявил он. – Фашизм – это не германская монополия. Он развивается и в других странах <...>» (Ibid.: 5, 6).

Заявляя, что «американский народ хочет мира, как хочет мира и советский народ», Эренбург (казалось бы, себе противореча) вспомнил, как недавно «человек из народа» – фермер в штате Теннесси «сказал ему, что скоро между Америкой и Советским Союзом может начаться война. Это был мирный человек, ухаживающий за коровами. Но поскольку он доил своих коров с помощью электрических доильников, у него оставалось много времени, чтобы внимательно читать местную антисоветскую газету. <...> Здесь есть люди, которые льют чернила в надежде, что другие могут пролить кровь» (Ehrenburg, Galaktionov, Simonov 1946: 5), – заключил он свой рассказ. От Эренбурга досталось и фермеру, и газете, и электрическим доильникам (если бы не они, времени для чтения газеты не оставалось). Кстати, один из американцев, сопровождавших Эренбурга, написал о разговоре писателя с фермером (которого оторвала от дойки коров неожиданно нагрянувшая делегация) несколько иначе: «Эренбург через переводчика спросил, кто помогает фермеру. “Сейчас никто, – ответил тот, – оба моих сына в армии. Они помогли разбить немцев и, если понадобится, разобьют и русских”»⁸⁷. По мнению биографа Эренбурга Анатолия Голдберга, эпизод с фермером произвел сильное впечатление на советского гостя. Хотя «диатрибы Эренбурга против “антисоветских клеветников”, которых он обвинил в подготовке третьей мировой войны, были, очевидно, инспирированы Москвой, – рассуждал Голдберг, – он, кажется, был искренне шокирован тем фактом, что люди в Соединенных Штатах открыто обсуждали возможность войны с Россией» (Goldberg 1984: 222). Представляется, однако, что идеологический прагматизм Эренбурга, который писал ровно то, чего от него ждали, был сильнее, чем эмоции, и разговор с фермером стал для него большой журналистской удачей – можно было сослаться на него, обвиняя американцев

⁸⁷ Hinton, H. B. Russian Ignored TVA Dam to Boast. – The New York Times. 1946. October 28. P. 4.

в агрессивных планах. Он напишет о фермере в статье для журнала *Collier's*, в путевом очерке «В Америке» и годы спустя в мемуарах (см.: Известия. 9 августа; Эренбург 1954: 705; Эренбург 1990, 3: 65).

Популярный в середине сороковых годов журнал *Collier's* обратился к Эренбургу с просьбой написать для него статью «Как жить в дружбе с Россией» (“How to Get Along with Russia”), «полагая, что взгляд русского на эту проблему, о которой думают и пишут американцы после окончания войны, был бы интересен и даже полезен»⁸⁸. Эренбург отозвался на просьбу журнала статьей «Чернила и кровь», в которой обвинил американскую прессу в дезинформации. В то время, когда он был в Америке, газеты обсуждали конфликт СССР с Турцией из-за черноморских проливов, отказ СССР вывести войска из Ирана, столкновения между советской и западными делегациями на сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) в Париже. Обострение отношений между союзниками не могло не сказаться и на отношении к советским посланникам. Как вспоминал Эренбург, «газеты все чаще выказывали неприязнь, люди, с которыми мы встречались, стали настороженнее» (Эренбург 1990, 3: 61).

Интерес к Советскому Союзу стал угасать еще в конце 1945 г. На смену ему, по словам В. О. Печатнова, «пришли безразличие и антипатия, переходящая во враждебность, которая входила в моду в средствах массовой информации на Западе» (Pechatnov 2001: 2). Руководствуясь принципом «лучшая защита – это нападение», Эренбург в статье для *Collier's* заявил, что «подобно тому, как детей пугают букой, американские газеты пугают Советским Союзом своих читателей, и те дрожат от страха»⁸⁹. Сам он прекрасно знал, как советские газеты пугают своих читателей, оказавшихся после победы над одним врагом во «враждебном окружении». *Враждебные* страны, державы, классы, силы, элементы, выпады, акты, действия, попытки, лозунги, взгляды, намерения – вот далеко не полный список использования прилагательного «враждебный» в газете «Правда» за 1946 г.

⁸⁸ Ehrenburg, I. Ink and Blood. – *Collier's*. 1946. Vol. 118. July 27. P. 17.

⁸⁹ Ibid. P. 30.

«Многие американцы, прочитав свои утренние или вечерние газеты, думают, что Красная армия угрожает их благополучию и что в один прекрасный день может понадобиться сбросить атомную бомбу на Сталинград», – продолжает Эренбург и приводит все тот же разговор с «воинственным» фермером. В заключении статьи он тем не менее выражает надежду на таких же, как фермер, простых американцев: «Мне хочется верить, что американцы найдут в себе силы, понимание и мудрость, чтобы сказать тем, кто готовит третью мировую войну: “Хватит! Я не собираюсь платить за ваши чернила своей кровью”»⁹⁰.

В подводке к статье, напечатанной без изменений, было указано: «*Collier's* не считает, что мистер Эренбург увидел нас такими, какие мы есть. *Collier's* считает, что американцам будет интересно узнать, какое представление о нас Эренбург увозит в свою страну»⁹¹.

Отклики на статью были различными. *Collier's* напечатал письма нескольких читателей, высказывавших прямо противоположные мнения:

«Дорогой Редактор: Я обратил внимание на ваши слова о том, что *Collier's* не согласен с точкой зрения Эренбурга на Америку. Почему? В этой статье нет ничего, с чем не может согласиться даже добрый республиканец. Его замечания чрезвычайно пронизательные и острые», – написал фон дер Ланкен из Чикаго (C. von der Lancken)⁹².

«Дорогой Редактор: Мистер Эренбург – сильный писатель с блестящим умом и острым взглядом. Однако мне кажется, что его статья полна искажений фактов», – написал читатель из Филадельфии, подписавшийся инициалами F. S. P.⁹³

Откликнулся на статью советского журналиста и У. Форрест, который познакомился с Ильей Эренбургом в Москве (куда он, как мы помним, приезжал в качестве главы делегации редакторов). Эренбург, по его мнению, стал несколько лучше думать об

⁹⁰ Ehrenburg, I. Ink and Blood. – *Collier's*. 1946. Vol. 118. July 27. P. 30.

⁹¹ *Collier's*. 1946. Vol. 118. July 27. P. 17.

⁹² *Collier's*. 1946. September 7. P. 8.

⁹³ Ibidem.

американцах, чем год назад – тогда он считал, что почти все они «безнадежные фашисты». Хотя советский журналист мог убедиться, что многие американцы хотят жить в мире и дружбе с русскими, он, как заметил У. Форрест, «выискивает статьи, недоброжелательные по отношению к Советскому Союзу, и именно о них с обидой пишет», а многочисленные дружелюбные статьи «игнорирует». «Американцы не хотят войны с Россией, и это, кажется, Эренбург открыл для себя, – заявил У. Форрест. – Достаточно, если он расскажет об этом по возвращении в Россию»⁹⁴.

Наконец, анонимный корреспондент газеты *The Waterbury Democrat* внимательно изучил и проанализировал статью как образец советской пропаганды – «смесь правды, полуправды и вопиющих умолчаний». Его интересовал механизм работы сознания советского журналиста. «Результат состоит в том, что он оскорбил здравомыслящих американцев искажениями и двусмысленностями, которые он выдает за реальные наблюдения, и не сделал ничего, чтобы приблизить нас к пониманию русских людей, политики и планов их правительства или чтобы показать нам, как видит дружелюбный русский дружелюбную Америку»⁹⁵.

Покидая Америку, Эренбург по просьбе агентства United Press подвел итоги поездки. Это первая – и наиболее дружелюбная – статья об Америке, своего рода набросок, эскиз его будущих, гораздо более критических и даже враждебных сочинений. «Через несколько часов я покидаю Соединенные Штаты и уезжаю в Европу. Я провел здесь два месяца, и я счастлив, что мои американские коллеги пригласили меня. За свою жизнь я очень многое повидал, но невозможно понять мир и человечество, не побывав в Америке», – начинает Эренбург прощальное письмо, явно стараясь угодить читателям. Америка – «великая и сложная страна», которую «легко восхвалять, не трудно над ней посмеяться, труднее всего ее понять», – продолжает он и предлагает свое (не слишком

⁹⁴ Collier's. 1946. August 10. P. 8.

⁹⁵ Mr. Ehrenburg's Travelog. – *The Waterbury Democrat* (Waterbury, Conn.). 1946. July 20. P. 6.

оригинальное) понимание Америки: «Здесь все черное или белое. В Нью-Йорке я видел коробку сигар ценой 200 долларов; выкурить их можно за несколько дней. В Миссисипи я видел семью из восьми человек, которая живет на 200 долларов целый год. <...> Писатели во всем мире восхищаются Хемингуэем и Фолкнером, но, когда вы идете в обычный кинотеатр на Main Street, чтобы посмотреть обычный фильм, голова идет кругом от бесконечной пошлости». По его словам, он «встречал идеалистов, мечтающих о счастье всего человечества», и «настоящих надсмотрщиков над рабами, только без кнутов», «видел великолепные университеты, удивительные лаборатории, музеи, которым могла бы позавидовать Европа», и ланчи, организованные Lions Club, где «взрослые мужчины, торговцы подтяжками или электрическими плитками, подражая львам, рычали по команде»⁹⁶.

Кстати, к ланчу в «Клубе львов», впервые упомянутому в прощальной статье, Эренбург будет возвращаться снова и снова – в последний раз в книге мемуаров он вспомнит, как «едва сдержался, чтобы не рассмеяться», услышав дружное «ууу!» (Эренбург 1990, 3: 45). Однако он ни разу не счел нужным упомянуть благородные задачи Lions Club – гуманитарной организации, объединяющей людей разных профессий, которые занимаются волонтерской работой, оказывают помощь нуждающимся и ратуют за укрепление мира и взаимопонимания между народами. В клубах (а их сотни в США и других странах) есть свои ритуалы, связанные с приемом новых членов, поздравлением их с достижениями и т. д. Иногда собравшиеся, демонстрируя принадлежность к сообществу «львов» и приветствуя друг друга, несколько секунд рычат. Эренбург стал свидетелем этого забавного – и весьма редкого – ритуала.

Эренбург возмущается расовым неравенством (эта проблема станет центральной в его последующих статьях), законами, лишаящими афроамериканцев права голоса. Но в центре статьи Эренбурга – критика американской прессы. Как могут американские

⁹⁶ Ehrenburg, I. Visiting Russian Sums Up His Trip. – The New York Times. 1946. June 26. P. 11.

газеты сравнивать «свободы, существующие в Америке, с недостатком свобод в России», негодует он, если в штате Теннесси «запрещено преподавать теорию Дарвина», тогда как в Советском Союзе «запрещена пропаганда антисемитизма». «Крупные и серьезные газеты засыпают читателей ложной информацией о России. Они раздувают каждый конфликт, стараясь убедить американцев, что война между нашими странами возможна». «Я не обижаюсь на американцев, которые нас критикуют, – продолжает он. – Я обижаюсь на тех американцев, которые на нас клеветают. За эти два месяца я прочел множество фантастических историй о своей персоне. Если они смогли столько напридумывать про меня, легко представить, сколько они придумывают про Россию. Россия далеко»⁹⁷.

Эренбург отдавал себе отчет в том, что было бы по меньшей мере бестактно не упомянуть того, что ему понравилось в Америке: «тысячи мелочей, которые облегчают жизнь, сказочный Нью-Йорк, заводы Детройта, мощные плотины Теннесси, великолепные дороги и высокий жизненный уровень». Но самое прекрасное в этой стране – это «духовные возможности американского народа».

Заканчивает свое послание Америке Эренбург заявлением: «Хочу верить, что <...> американский народ усмирит подстрекателей войны, своих фашистов, тех, кто мечтает о походе на Москву, и с любовью я говорю Америке: спасибо за теплый прием... и до свидания!»⁹⁸

Письмо Эренбурга было прочитано американцами и вызвало немало откликов в газетах всего политического спектра⁹⁹. Уже на следующий день после его публикации авторитетная газета *New York Herald Tribune* напечатала статью под заголовком «Обнадеживающая русская искренность». По мнению анонимного – и на удивление наивного – автора, Эренбург своим «чрезвычайно трогательным

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Например: Ehrenburg, I. Visiting Russian Sums Up His Trip. – The New York Times. 1946. June 26. P. 11; Ehrenburg Sees Fascists Seeking U.S.-Soviet War. – The New York Herald Tribune. 1946. June 26. P. 10; A Farewell Word to America... – The People's Voice (Helena, Mont.). 1946. July 5. P. 2; Прощальная статья Эренбурга. – Новое русское слово. 1946. 27 июня. С. 2.

и важным документом» вселил «в это тревожное время» надежду на установление прочных связей между Россией и Соединенными Штатами. Да, разговоры о войне ведутся, и большинство американцев разделяют озабоченность Эренбурга по этому поводу, но преувеличивать их опасность не стоит. Честный и благожелательный обмен информацией разоружит поджигателей войны: «Визит Эренбурга принесет плодотворный урожай для человечества»¹⁰⁰.

«Плодотворным» – правда, не для человечества, а для советской пропаганды – назвал визит Эренбурга анонимный корреспондент старейшей газеты Миннесоты *Minneapolis Morning Tribune*. По его словам, «шитый на заказ репортаж поможет сохранить веру русских в то, что, как бы плохо они ни жили, при капитализме им было бы гораздо хуже»¹⁰¹. «Добрым американцам стыдно за табачные дороги, расизм, религиозные предрассудки, за дискриминацию, – продолжает автор статьи. – Они делают все возможное, чтобы избавиться от этого и сделать жизнь лучше. Они могут вынести попреки иностранных критиков, таких как Эренбург, за то, что им не удалось провести в жизнь свои демократические идеалы. Чего, однако, добрые американцы не могут вынести, так это лицемерия Эренбурга, который делает вид, что в России нет такой же или худшей дискриминации и несправедливости. Есть, и Эренбург знает об этом. Советский пропагандист просто надеется воспользоваться недостаточным знанием о России многих американцев, чтобы продать им достоинства коммунизма»¹⁰². Автор статьи рассказал читателям, что за железным занавесом существует антисемитизм, что советская элита, к которой принадлежит Эренбург, «пользуется всеми привилегиями коммунистического правящего класса, не считаясь с нищетой и страданиями советских людей», что советский посланец приехал «в брызгливом, высокомерном настроении» и оно, судя по его прощальному письму, не исчезло¹⁰³.

¹⁰⁰ Helpful Russian Frankness. – The New York Herald Tribune. 1946. June 27. P. 28.

¹⁰¹ Russians Can't Get Truth on U.S. From Ehrenburg. – Minneapolis Morning Tribune. 1946. June 27. P. 4.

¹⁰² Ibidem.

¹⁰³ Ibidem.

Умеренно-консервативный журнал *Time* назвал Эренбурга «российским пропагандистом-журналистом № 1»¹⁰⁴, леволиберальный журнал *Nation* – «талантливым, но явным пропагандистом», а его письмо «велеречивым и лицемерным»¹⁰⁵. Поездка по южным штатам дала Эренбургу возможность отражать любую критику Советского Союза, сославшись на пороки американского Юга. Что касается критики прессы, то, продолжает анонимный автор, «беспокоят американцев не статьи о России в *Chicago Tribune* или *New York Daily News*, но сами действия Советского Союза; и чтобы их настроения поменялись, нужны действия Сталина, а не слова Эренбурга»¹⁰⁶.

Эрл Браун, журналист старейшей газеты афроамериканцев *New York Amsterdam News*, воображает, как Эренбург, возвратившись в Москву, идет к Сталину и рассказывает ему о жизни американских негров. Он «доложил Сталину, что Америка, лидер западной демократии, на самом деле не демократическая страна. “Почему?” Мистер Эренбург, должно быть, ответил: “Бильбо, будущий американский Гитлер, заседает в сенате”»¹⁰⁷.

Один из отцов правого популизма, выступавший против запрета судов Линча, Уэстбрук Пеглер в своей статье для херстовского синдиката *King Features* обошел молчанием тему расизма у Эренбурга. Он не поверил ни в то, что семья в Миссисипи, которая живет на 200 долларов в год, голодает, ни тем более в то, что коробка сигар может стоить 200 долларов («наблюдая жизнь богатых людей от Палм-Бич до Голливуда, я не видел таких дорогих сигар»). Подобно Эренбургу, Пеглер в своей статье пишет о контрастах, но не в США, а в СССР: в то время как большинство советских граждан живут в бедности, советские вожди дают банкеты, которые могли бы сравниться с «оргиями при дворе императора». На шутливое замечание Эренбурга по поводу «Клуба львов» Пеглер ответил серьезно: «Если журналист – прислужник диктатора, которого даже Рузвельт

¹⁰⁴ “Thanks & Goodbye!”. – *Time*. 1946. July 8. P. 48–49.

¹⁰⁵ Goodbye, Ilya Gregorevich. – *Proletarec* (Chicago, Ill.). 1946. July 24. P. 1. Цитируется по газете словенских социалистов *Proletarec*, перепечатавшей статью в *Nation*.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Brown, E. Timely Topics. – *New York Amsterdam News*. 1946. July 6. P. 8.

сравнивал с Гитлером, критикует взрослых мужчин за то, что они рычат по команде, то ответ напрашивается сам собой: “Прислушайтесь, кто же это рычит по команде”¹⁰⁸.

Автора статьи в авторитетном *Wall Street Journal* тоже привлек рассказ Эренбурга о рычащих «торговцах подтяжками», и он объяснил, чем отличается свободное общество от несвободного: «Мы никогда не были на ланче, где люди подражают львиному реву, но что из того, если они это делают? <...> Мистер Эренбург не понимает, что значит свободное общество. Это, помимо прочего, право гражданина быть смешным, если он того хочет. Он может надеть смешную шляпу и маршировать на параде. <...> Он может носить шорты. Он может попытаться запеть тенором. Он может много что делать, и люди могут над ним смеяться, хотя в то же время позавидуют его умению получать удовольствие. Вероятно, в России люди не могут рычать, как львы, мяукать, как коты, или пищать, как мыши. Ужасная перспектива. Если легкомыслие вырвется из-за железного занавеса, страшно подумать, что может произойти». В прощальном письме Эренбурга Пеглер увидел «ласковую угрозу войны». По его мнению, Эренбург «говорит от имени Сталина, а пресса, которую он представляет, контролируется и корректируется в интересах диктатуры»¹⁰⁹.

Один из самых влиятельных либеральных американских журналистов Уолтер Липпман ответил коллеге Эренбургу подробной статьей. Он поддержал его критику «постыдных сторон американской цивилизации», но не согласился с тем, что Эренбург назвал главными достоинствами Америки. «Когда он говорит, что самое прекрасное, что он увидел, – это духовные возможности американцев, мы можем сказать, что эти духовные возможности не существовали бы и не могли существовать, если бы нам пришлось делать вид, что такой Бильбо возможен только где-нибудь в другой стране, но не у нас, – пишет Липпман. – Нам не нужно обманывать себя, дурачить

¹⁰⁸ Pegler, W. Fair Enough. – The Wilmington Morning Star (Wilmington, N. C.). 1946. July 3. P. 4.

¹⁰⁹ Ibidem.

себя, скрывая правду о себе. Это и есть свобода. <...> Как журналист журналисту, я хотел бы сказать мистеру Эренбургу, что, пока он не сможет говорить о своей стране так, как он говорит о нашей, у русских не будет надежды на реализацию прекрасных духовных возможностей, которые в изобилии существуют у этих талантливых, смелых и симпатичных людей. Не будет у них надежды завоевать симпатию и преданность народов мира до тех пор, пока они <...> не докажут свою гуманность, признав свои недостатки и неудачи»¹¹⁰. Эренбург позднее ответит «верному слуге определенных монополистических кругов»¹¹¹, как аттестовала Липпмана «Правда», и огласит «наши недостатки»: «бюрократизм, порой грубость, порой техническая отсталость» (Известия. 25 июля).

Еженедельная газета *The People's Voice*, адресованная фермерам, профсоюзным лидерам и рабочим, перепечатав прощальное письмо Эренбурга, предварила его кратким комментарием: «Это рассуждение о Соединенных Штатах было написано известным советским журналистом Ильей Эренбургом. Его замечания о контрастах американской жизни будут интересны каждому американцу, которому приходила в голову идея “себя увидеть так, как видят нас другие”»¹¹².

Кажется, самому Эренбургу идея увидеть себя со стороны не приходила в голову. В Америке он вел себя с советской спесью, отбивался от любой критики, мог сделать выговор благотворителям, слишком громко объявлявшим сумму пожертвования, отчитать переводчика за неточность. Он жаловался на ланч с неизбежной курицей, без вина. «В Америке, – говорил он цинично, – два линча, – то, что они делают с неграми, и то, чем они кормят иностранных гостей. И то и другое плохо»¹¹³. Отвращение вызывал у него «ком-

¹¹⁰ Lippmann, W. Today and Tomorrow: Ehrenburg and the Fourth of July. – The New York Herald Tribune. 1946. July 4. P. 15; Lippmann, W. Ehrenburg on America. – The Los Angeles Times. 1946. July 5. P. A 4.

¹¹¹ Обозреватель. Международное обозрение. – Правда. 1946. № 89. 14 апреля. С. 4.

¹¹² A Farewell Word To America. – The People's Voice (Helena, Mont.). 1946. July 5. P. 2. В оригинале цитируется ставшая мемом строка из сатирического стихотворения Р. Бернса «Послание ко вши» (“To a Louse”, 1786): “To see ourselves as others see us!”

¹¹³ Neal, F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. – Saturday Evening Post. 1951. January 6. P. 81.

пот с майонезом» – фруктовый салат, заправленный белым соусом, который подавали в гостинице Waldorf на закуску. Капризный советский гость доставил немало хлопот сопровождавшему его сотруднику Госдепартамента Фреду Уорнеру Нилу. До войны Нил был вашингтонским корреспондентом газеты *Wall Street Journal* (1938–1943), потом служил в военно-морском авиационном корпусе в Сибири, а с 1946 по 1948 г. был консультантом по Советскому Союзу в Госдепартаменте. Вряд ли можно заподозрить его в предвзятом отношении к советскому журналисту, поскольку всю свою жизнь он старался укреплять отношения между двумя странами. Он станет профессором политологии, напишет несколько книг, которые будут благосклонно восприняты в СССР. В 70-е годы Фред Нил в качестве председателя американского Совета по делам американо-советских отношений будет поборником курса на разрядку.

К заданию оказывать помощь советским журналистам во время их пребывания в Америке Фред Нил отнесся серьезно. В 1946 году «мы все еще старались изо всех сил быть друзьями Советского Союза, и приглашение нашим Госдепартаментом Эренбурга и С° представляло собой искреннюю попытку начать культурный обмен», – вспоминал он четыре года спустя в своей статье, посвященной опыту общения с Эренбургом и его товарищами и названной «Как я сопровождал важных советских шишек». В ней Нил рассказывал, что происходит с советскими людьми, «когда им позволяют вырваться из коммунистического загона и пастись на тучных капиталистических пастбищах». «Я думаю, – предварил он свой рассказ, – что правдивый отчет о том, что они делают и говорят в этих обстоятельствах, позволит читателям понять, что это за люди, и главное – насколько они искренни». Сложности начались с первых дней пребывания советских гостей в Америке. Вместо того, чтобы заночевать в Вашингтоне, они в сопровождении сотрудника советского посольства отправились в Нью-Йорк. Номер в гостинице Waldorf-Astoria¹¹⁴ в Нью-Йорке был забронирован только со

¹¹⁴ Отель класса люкс в центре Манхэттена, символ роскоши. Незадолго до приезда советской делегации, 5 марта 1946 г. здесь был дан обед в честь Уинстона Черчилля.

следующего дня, и «трио было вынуждено довольствоваться небольшим отелем на East Thirties». «Чистый и вполне приличный, даже роскошный по сравнению с московскими, хотя, конечно, не Waldorf-Astoria, – рассказывает Нил. – Когда я приехал в Нью-Йорк, Эренбург стал жаловаться и жаловался почти все время, пока не уехал почти три месяца спустя. Ему пришлось ночевать в борделе, – читал он, – это посягательство на честь Советского Союза. Гости они Соединенных Штатов или не гости?! В России такого бы никогда не случилось! Там к гостям так не относятся. <...> Проблема была разрешена без разрыва дипломатических отношений, и скоро знаменитые коммунистические писатели благополучно разместились в знаменитом капиталистическом отеле»¹¹⁵. Эренбург, вероятно, считал унижением для себя ночевать в заурядной, «плохонькой», как он выразился, гостинице, где на ночном столике лежала библия, в коридоре «покрикивали пьяные постояльцы», шум Бродвея «не позволял уснуть», а цветные рекламные плакаты, которые он видел в окно, «прославляли противные напитки с имбирем или без имбиря» (Эренбург 1954: 667). Любопытно, что в мемуарах Эренбург написал, что провел первую ночь в Америке в «ультрасовременной» гостинице (Эренбург 1990, 3: 40).

Еще больше хлопот доставил Эренбург Фреду Нилу в Детройте, где советские гости остановились на пути в Канаду, чтобы осмотреть автомобильные заводы и, главное, купить автомобили. Между ним и Эренбургом вспыхнула ссора, о которой Нил подробно рассказал в своей статье:

Эренбург требовал большой бьюик. Симонов хотел купить большой крайслер. Эренбург проявлял особую настойчивость. Две недели он изо дня в день спрашивал: «Когда будет этот автомобиль?» Я старался изо всех сил – производители не желали лишиться американских покупателей машин ради двух русских и обещали поставить автомобили в скором времени, не называя дату. Эренбург отказывался мне верить. Вспыльчивость, которую

¹¹⁵ Neal, F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. – Saturday Evening Post. 1951. January 6. P. 81.

он проявлял и раньше, переросла в откровенную грубость. Накануне отъезда из Детройта Эренбург призвал меня, словно царь, к себе в номер. И снова: «Мистер Нил, когда будет автомобиль?» – «Я не знаю точно. Но скоро. Не беспокойтесь. Вы ведь еще не уезжаете».

«<...> Мистер Нил, <...> вы мне это повторяете уже много дней! Если вы не можете сказать, когда будет автомобиль, я, Илья Григорьевич Эренбург, бедный советский писатель, сам пойду и куплю этот автомобиль».

Я не стерпел. Разозлился. «Если вы настолько глупы, что считаете, что вам это удастся, идите попробуйте! – вскричал я. – Я устал от ваших дурацких требований!» Вышел из номера и хлопнул дверью.

У себя в номере я начал беспокоиться. Хорош же я, получил задание укреплять добрые отношения с русскими, а сам не сдержался, потерял терпение и оскорбил важного, пусть и капризного гостя. Я воображал всякого рода последствия – жалобы в Госдепартамент, обмен нотами. Прошел час, и я подумал: «Мне нужно пойти и извиниться». В этот момент раздался стук в дверь. Это был посыльный с пакетом в руках. На пакете было написано: «Трубка мира. Эренбург». Он купил мне трубку, да еще хорошую. Через несколько минут раздался телефонный звонок. Звонил Эренбург. «Мир?» – спросил он с надеждой в голосе. С тех пор он ничего больше не говорил о машине. Свой бьюик Эренбург в конце концов получил. Симонову пришлось довольствоваться кадиллаком¹¹⁶.

Фред Нил заинтересовался, «в чем причина хронической раздражительности и постоянного недовольства Эренбурга», и обратился за разъяснением к генералу Галактионову. Генерал, по определению Нила «старый большевик, бесцветный доктринер, человек бесстрастный, но добрый», подробно ответил на его вопрос: «Не нужно слишком серьезно воспринимать Эренбурга. <...> Он всегда

¹¹⁶ Neal, F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. – Saturday Evening Post. 1951. January 6. P. 27.

нервный. И не забывайте, что Эренбург много лет жил за границей – дольше за границей, в Париже и где-то еще, чем в Советском Союзе. Иногда говорят, что Эренбург в душе не настоящий советский гражданин. Он постоянно старается убедить, что это не так»¹¹⁷.

Фреду приходилось помогать гостям делать покупки и более мелкие, чем автомобиль:

Что делают три выдающихся представителя коммунистического рая, когда их выпускают в капиталистическую пучину? <...> Они тратят уйму времени, покупая самые разные вещи – одежду, табак, чемоданы, очки, вставные зубы, часы и ювелирные украшения. Каждый приехал с одним чемоданом, а уехал с несколькими, набитыми до отказа. И вкус к вещам у них был не более пролетарским, чем вкус к автомобилям. <...> После их отъезда я долгое время не мог привыкнуть покупать костюмы меньше чем за 200 долларов, ботинки за 50, галстуки за 10 и сигары за 50 центов¹¹⁸.

Другой помощник Эренбурга в походах за покупками, сын его испанских друзей Джон (Тито) Херасси, удивлялся, что в дорогом магазине «Сакс» на Пятой авеню тот делал покупки, «какие были по карману богачу-«капиталисту», а вовсе не «коммунисту»» (Рубинштейн 2002: 255).

Ф. Нилу надо было проводить своих подопечных и посадить их на французский теплоход *Île de France*, который выходил из Бостона 26 июня. Когда они из Нью-Йорка прибыли в Бостон, Эренбург не обнаружил одного из чемоданов, который по какой-то причине не успели загрузить. Узнав об этом, он устроил настоящий скандал: в чемодане рукопись нового романа, очень важная, Фред ему не помогает, придется вернуться в Нью-Йорк и обратиться за помощью к друзьям из американско-советского общества дружбы. «Симонов и Галактионов изо всех сил удерживали его, пока я не отыскал чемодан, – вспоминал Нил. – Так закончился наш первый и практически единственный опыт послевоенных культурных обменов с Советским

¹¹⁷ Ibid. P. 81.

¹¹⁸ Ibidem.

Союзом. Принес ли он что-нибудь хорошее? Учитывая тот факт, что и Эренбург, и Симонов почти сразу после возвращения злобно и несправедливо критиковали Соединенные Штаты, вероятно, нет. Но кто знает...»¹¹⁹

Покинув Соединенные Штаты, Эренбург несколько месяцев провёл во Франции. Разрешение «задержаться в Париже» он получил от самого Молотова. «Не имею возражений», – ответил министр на его просьбу (Эренбург 1990, 3: 33).

В августе в городе Вуврэ, известном, по словам Эренбурга, своим «душистым вином», он увидел «крохотное сообщение» «о новой чистке, жертвами которой стали писатели Ахматова и Зощенко», и, приехав в Париж, «побежал в посольство», где получил газеты с полным текстом постановления (Эренбург 1990, 3: 34). Вернулся он в Москву только в октябре, пробыв за границей почти полгода. Крутые перемены в политической атмосфере не могли не отразиться на переработке Эренбургом ранее напечатанных своих газетных статей о поездке в Америку в брошюру, выпущенную в издательстве «Московский рабочий» в начале 1947 г. В газетных отчетах встречались проявления восхищения достижениями американцев, которые «в относительно короткий срок <...> создали изумительную технику». «Я видел, – писал он, – как быстро они строят небоскребы, как аккуратно и хорошо изготавливают в Детройте автомобили, сколько у них изобретений, облегчающих повседневную жизнь человека» (Известия. 17 июля). По воспоминаниям Фани Фишман (приемной дочери Ирины Эренбург), в разговоре с Рубинштейном Илья Григорьевич говорил, что «Европа на два столетия отстала от Соединенных Штатов» (Рубинштейн 2002: 259). Но в книге подобные восторги «почти совсем заглохли» (Рубинштейн 2002: 263). Так, например, в «Известиях» Эренбург писал: «Я думаю, что мы можем многому поучиться и у американских писателей, и у американских архитекторов, и даже (несмотря на потрясающую пошлость средней продукции) у американских кинорежиссеров» (25 июля). В брошюре же этот пассаж не был включен. Если в газетном очерке Эренбург

¹¹⁹ Neal, F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. – Saturday Evening Post. 1951. January 6. P. 82.

признавал, что «в архитектуре Нью-Йорка [есть] красота, пусть и беспокойная, но бесспорная» (17 июля), то в брошюре он дает другую оценку увиденному: «Я не знаю, красив ли Нью-Йорк. Красота его не связана с нашими представлениями о гармонии. <...> Есть величие и есть трагизм в этом нагромождении железобетона; оно передает жадность, лихорадку, размах, бесчеловечность империализма» (Эренбург 1954: 669).

Самой безопасной темой для советского журналиста являлся расизм в США. Он, действительно, представлял собой реальную и жгучую проблему, которая обсуждалась в американской прессе. К тому же (по замечанию Мередит Ромэн) «разоблачение американского расизма (racial mores) имело целью вызвать гордость у советских людей, подтверждая, что их миссия строительства антикапиталистического общества была благородной. Осуждение расизма в США служило и отвлекающим маневром от непрекращающегося бытового антисемитизма и национальной вражды в стране, которая, кажется, должна была освободиться от таких пережитков капитализма» (Roman 2012: 531). В газетных статьях и – более подробно – в брошюре Эренбург с позиции очевидца детально рассказывает о сегрегации, политическом бесправии афроамериканцев, произволе властей, о неправомерных обвинениях в судах, линчевании, наконец, о бытовом расизме, который «вошел в плоть и в кровь американцев» (Эренбург 1954: 698), причем, как мы видели выше, нередко отклоняется от фактов. Но стержень образа Америки, созданного Эренбургом, – фигура белого американца. Он со злой иронией пишет о «среднем», то есть типичном или среднестатистическом американце, лишенном каких-либо индивидуальных качеств. Средний американец, перечисляет Эренбург, «проспал рождение американского империализма», «не обладает политической зрелостью» (Эренбург 1954: 706, 707), «убежден, что он внутренне независим, больше всего он страшится “пропаганды”» (Известия. 7 августа; Эренбург 1954: 700), «считает, что он – носитель подлинной демократии» (Эренбург 1954: 700), «готов поверить, что вся человеческая культура сосредоточена в Америке» (Там же: 684), «отожествляет культуру и технику» (Там же: 685),

«отравлен расовыми предрассудками», «наивно боготворит бумажный доллар» (Там же: 707). Стандартизация, как якобы успел заметить Эренбург, поразила не только быт, но и частную жизнь среднего американца. «Страшно не то, что все приказчики щеголяют в одинаковых рубашках и подносят своим возлюбленным одинаковые чулки, – пишет он, – страшно, что при этом они говорят возлюбленным те же слова и возлюбленные в ответ улыбаются той же стандартной улыбкой» (Там же: 675).

Несмотря на весьма непривлекательную картину Америки и нелестный портрет среднего американца в травелоге 1946–1947 гг., Эренбург позднее признался, что он тогда «был сдержан», поскольку не хотел озлобить американских обывателей «правдивым, но резким словом»¹²⁰ и «старался несколько смягчить отрицательные стороны американской жизни»¹²¹. Статьи в «Известиях», брошюра «В Америке» были лишь началом его «экспертной» критики Соединенных Штатов. С нарастанием борьбы с космополитизмом и волной репрессий против евреев будет нарастать и антиамериканизм Эренбурга. В многочисленных статьях и выступлениях он будет рассказывать о пороках этой страны, изобразит гнусных американцев в пьесе «Лев на площади» (1948), в романах «Буря» (1947) и «Девятый вал» (1950). По справедливому замечанию Г. В. Костырченко, «обласканный властью Эренбург превращается в годы холодной войны в главного глашатая антиамериканизма в СССР» (Костырченко 2001: 416). В начале 1949 года, значительно расширив брошюру «В Америке», он написал памфлет «Ночь Америки»¹²², намереваясь, как он доложил секретарю ЦК ВКП(б)

¹²⁰ Эренбург И. Г. Ночь Америки. – РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 14. Ед. хр. 854. С. 2.

¹²¹ Эренбург И. Ответ господину Дэвиду Лоуренсу. – Правда. 1947. № 97 (10488). 22 апреля. С. 3.

¹²² «Ночь Америки» была написана в конце весны – начале лета 1949 г. по заказу издательства «Советский писатель», которое, в свою очередь, выполняло план мероприятий ССП по усилению антиамериканской пропаганды, утвержденный в ЦК ВКП(б) (см.: Сталин и космополитизм 2005: 346–348). Кроме издательства, Эренбург отдал готовую рукопись в журнал «Знамя», где она была принята к печати и сверстана в составе номера 8 (см.: Эренбург 2004: 353, прим. 1 к письму 311). Однако Отдел пропаганды и агитации ЦК памфлет не пропустил и, судя по всему, потребовал серьезной

М. А. Суслову, курировавшему идеологию, «передать читателю презрение и ненависть к “американскому образу жизни” и его апологетам» (Эренбург 2004: 355). Теперь он пишет не о среднем, а о «серийном американце», то есть изготовляемом сериями, по образцу. «Америка, – по его словам, – напоминает человека с крохотной головой на огромном мускулистом теле, <...> американцам нужно учиться с самых азов – с букваря человеческой культуры»¹²³. Самый антиамериканский (и «плохой», как признает впоследствии сам Эренбург) роман «Девятый вал» – «об американском сенаторе, об интригах газетного агентства “Трансок”» (Эренбург 1990, 3: 181) – вышел в 1950 году. Один из его героев говорит голосом автора: американцы «успели построить небоскребы, создать высокую технику, комфорт, о котором в Европе и не мечтают, изготовили бомбу для Хиросимы, а о том, что культура – это не только “искусственный климат” или самолет с баром, они не подозревают» (Эренбург 1953: 238). В романе Эренбург повторил то, что писал в газетных очерках и статьях: Америка «быстро достигла высокого уровня материальной культуры. Что касается духовной культуры, то она здесь только-только рождается» (Известия. 17 июля)¹²⁴.

переработки текста, на которую Эренбург не согласился, ограничившись лишь немногочисленными дополнениями (см.: Там же). Одновременно издательство сообщило ему, что «не решается издать книгу, так как в ней нет “второй Америки”» (Там же: 355). В архиве «Советского писателя» сохранились две внутренние рецензии на рукопись, написанные известными критиками – Б. И. Соловьевым и А. К. Тарасенковым (см.: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 14. Ед. хр. 66). Оба они указали на существенный недостаток памфлета, препятствующий его публикации: Эренбург, по утверждению рецензентов, игнорирует ленинское учение о двух культурах и совсем не показывает новую прогрессивную Америку. После жалобы Эренбурга секретарю ЦК М. А. Суслову в докладной записке для последнего, подготовленной сотрудником Отдела агитации и пропаганды Л. А. Слеповым, были высказаны сходные претензии: «Недостатком книги является отсутствие четких граней между американским простым народом и его угнетателями» (Сталин и космополитизм 2005: 498). Трудно сказать, был ли отказ издательства печатать «Ночь Америки» инициирован его руководством или инспирирован недоброжелателями Эренбурга в Агитпропе.

¹²³ Эренбург И. Г. Ночь Америки. С. 33.

¹²⁴ Эренбург И. Американские впечатления. – Литературная газета. 1946. № 46 (2309). 16 ноября. С. 2.

*

Примерно то же самое прочел Эренбург уже во время оттепели в статье «Америка без прикрас», напечатанной в «Литературной газете» 28 февраля 1957 года. «Американской культуры не возникло», – утверждал автор статьи Александр Казем-Бек, белоэмигрант, покинувший Россию в январе 1920 года и вернувшийся в Советский Союз в 1956 году. До 1940 года Казем-Бек жил в Германии и Франции, руководил организацией «младороссов», встречался с Муссолини. В 1940 году он бежал в Америку, где провел 15 лет, после чего считал себя большим знатоком этой страны. В мемуарах Эренбург называет его «бывшим монархистом» (Эренбург 1990, 3: 172).

Ссылаясь на свой опыт пребывания в Америке, Казем-Бек писал о «варварстве <...> молодых американцев», духе вырождения и упадничества в стране, о «неосведомленности американцев», их равнодушии к информации. Главный изъян Америки он видит в отсутствии национальной культуры, причем сами американцы, на его взгляд, даже не претендуют на ее наличие. «Влияние очагов культуры ничтожно, как и авторитет носителей ее. Пусть Хемингуэя и Фолкнера читают миллионы американцев, – десятки миллионов их сограждан никогда о них не слыхали»¹²⁵.

По сути дела, Казем-Бек утрировал то, что писал об Америке и американцах в годы позднего сталинизма Илья Эренбург, который мог увидеть в его статье своего рода пародию на свои очерки 1946–1947 гг. Похоже, что в 1957 году Эренбург хотел отчасти отречься от тех антиамериканских клише, которые он был вынужден повторять в конце сороковых годов. В изменившейся ситуации он взял на себя роль защитника американской культуры, выступив против статьи Казем-Бека с письмом в «Литературную газету», которое главный редактор В. А. Кочетов печатать отказался. Тогда Эренбург обратился за поддержкой к Д. Т. Шепилову, заведующему Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, утверждая, что «даже

¹²⁵ Казем-Бек А. Америка без прикрас. – Литературная газета. 1957. № 26 (3682). 28 февраля. С. 4. На одной странице со статьей Казем-Бека, отрицающего существование национальной культуры в Америке, помещена большая подборка новых переводов из Г. Лонгфелло.

во время войны никто у нас не писал о немецкой культуре в том тоне, в котором Казем-Бек написал об американской» (Эренбург 2004: 431). Обращение к Шепилову возымело действие, и письмо в редакцию было 23 марта опубликовано.

Для того, чтобы опровергнуть «приговор» американской культуре Казем-Бека, пишет Эренбург, «не нужно пересекать Атлантику: достаточно подойти к книжной полке. Ученые могли бы привести ряд имен, которыми американская наука обогатила мировую культуру». Возражая своему оппоненту, Эренбург восклицает: «...можно ли оттого, что десятки миллионов людей не приобщены к подлинной культуре, утверждать, что национальной культуры не существует?»¹²⁶

Письмо Эренбурга, которое теперь кажется беззубым, тогда выглядело смелым. Так оценила его итальянская газета *La Stampa*, корреспондент которой писал, что оно «поистине звучит как диссонанс в антиамериканской и антизападной симфонии последнего времени»¹²⁷. В. А. Кочетов, главный редактор «Литературной газеты», участвовавшей в антиамериканской кампании, принял сторону Казем-Бека и сопроводил письмо Эренбурга примечанием редакции, а потом жаловался на него в ЦК. В мемуарах Эренбург не без гордости вспомнил свою отповедь Казем-Беку: «Я послал в газету письмо – говорил, что в Америке есть своя – и значительная – культура, крупные ученые, замечательные писатели. Хотя редакция и указала, что не согласна со мною, письмо она все же напечатала. Но это было в 1957 году, а не в 1950-м...» (Эренбург 1990, 3: 172).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г. 1969. Об Аргусе. – Аргус (М. Айзенштадт-Железнов). Другая жизнь и берег дальний. Нью-Йорк: Издательство «Чайка». С. 3–6.
- Альтман И., Карасик О. 2018. История и судьба «Черной книги»: Писатели и документы эпохи. – Филология и культура. № 3 (53). С. 133–138.

¹²⁶ Эренбург И. Письмо в редакцию. – Литературная газета. 1957. № 36 (3692). 23 марта. С. 4.

¹²⁷ Todisco A. Ehrenburg difende in Russia la letterature degli americani. – *La Stampa*. 1957. Num. 72. 24 marzo. P. 3.

- Большая цензура 2005. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Под общей ред. академика А. Н. Яковлева. Сост. Л. В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия». Издательство «Материк».
- Горяева Т. М. 2009. Политическая цензура в СССР: 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Государственный антисемитизм 2005. Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общей ред. академика А. Н. Яковлева. Сост. Г. В. Костырченко. М.: Международный фонд «Демократия». Издательство «Материк».
- Громыко А. 2016. Памятное: Испытание временем. Кн. 2. М.: Центрполиграф.
- Добренко Е. А. 2020. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение.
- Костырченко Г. В. 2001. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения.
- Печатнов В. О. 2006. От союза – к холодной войне: Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО-Университет.
- Рубинштейн Д. 2002. Верность сердцу и верность судьбе: Жизнь и время Ильи Эренбурга / Пер. с англ. М. А. Шерешевской. Научный ред. Б. Я. Фрезинский. СПб.: Академический проект.
- Симонов К. 2005. Глазами человека моего поколения. – Симонов К. Истории тяжелая вода: Сборник мемуарной прозы / Сост. Л. Лазарев. М.: Вагриус. С. 287–506.
- Сталин и космополитизм 2005. Сталин и космополитизм. 1945–1953: Документы Агитпропа ЦК / Под общей ред. академика А. Н. Яковлева. Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М.: Международный фонд «Демократия». Издательство «Материк».
- Фрезинский Б. Я. 2013. Об Илье Эренбурге: Книги, люди, страны. М.: Новое литературное обозрение.
- Черная книга 2015. Черная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; Corpus.
- Эренбург И. 1950. За мир! М.: Советский писатель.

- Эренбург И. 1953. Соч.: В 5-ти тт. Т. 3: Девятый вал: Роман. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Эренбург И. 1954. Соч.: В 5-ти тт. Т. 5: Очерки. Статьи. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Эренбург И. 1990. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3-х тт. М.: Советский писатель.
- Эренбург И. Г. 2004. Письма: [В 2-х тт.] Т. 2: 1931–1967 / Издание подготовлено Б. Я. Фрезинским. М.: Аграф.
- Bassow, W. 1988. *The Moscow Correspondents: Reporting on Russia from the Revolution to Glasnost*. New York: William Morrow and Company.
- Beeler, D. 1980. Race Riot in Columbia, Tennessee (February 25–27, 1946). – *Tennessee Historical Quarterly*. Vol. 39. No. 1. P. 49–61.
- Berry, D. R., Gross, K. N. 2020. *A Black Women's History of the United States*. Boston: Beacon Press.
- Borchard, G. A. 2022. *The SAGE Encyclopedia of Journalism* / Ed. by G. A. Borchard. s. l.: SAGE Publications.
- Ehrenburg, I., Galaktionov, M., Simonov, K. 1946. *We Have Seen America*. New York: National Council of American-Soviet Friendship.
- Fainberg, D. 2021. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Gelder, R. van. 1946. *Writers and Writing*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Goldberg, A. 1984. *Ilya Ehrenburg: Revolutionary, Novelist, Poet, War Correspondent, Propagandist: The Extraordinary Epic of a Russian Survivor / With an Introduction, Postscript, and Additional Material by E. de Mauny*. New York: Viking.
- Houston, H. R. 2009. *Jackson Clarion-Ledger*. – Smith, J. C., Wynn, L. T. *Freedom Facts and Firsts: 400 Years of the African American Civil Rights Experience*. Visible Ink Press. P. 136.
- Laychuk, J. L. 1991. *Ilya Ehrenburg: An Idealist in an Age of Realism*. New York; Paris: Peter Lang.
- Lewis, A. 2010. *Freedom for the Thought That We Hate: A Biography of the First Amendment*. New York: Basic Books.
- Lyons, Eu. 1941. *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America*. Indianapolis; New York: The Bobbs-Merrill Company.

- Mellinger, G. 2008. American Society of Newspaper Editors. – Encyclopedia of American Journalism / Ed. by S. L. Vaughn. New York; London: Routledge. P. 21–22.
- Mellinger, G. 2020. Introduction. – Journalism's Ethical Progression: A Twentieth-Century Journey / Ed. by G. Mellinger, J. Ferré. Lanham, MD: Lexington Books. P. IX–XXVI.
- Pechatnov, V. 2001. Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–47. – Cold War History. Vol. 1. No. 2. P. 1–27.
- Roman, M. L. 2012. Forging Soviet Racial Enlightenment: Soviet Writers Condemn American Racial Mores, 1926, 1936, 1946. – The Historian. Vol. 74. No. 3. P. 528–550.
- Tischauer, L. V. 2008. Race Relations in the United States, 1920–1940. Westport, Conn.: Greenwood Press.
- Zorn, R. J. 1972. Theodore G. Bilbo: "Shibboleths for Statesmanship". – Public Men in and out of Office / Ed. by J. T. Salter. New York: Da Capo Press. P. 277–296.

REFERENCES

- Adamovich, G. "Ob Arguse." In *Drugaiia zhizn' i bereg dal'nii*, by Argus [M. Aizenshtadt-Zheleznov, pseud.], 3–6. New York: Izdatel'stvo "Chaika," 1969.
- Al'tman, I. and O. Karasik. "Istoriia i sud'ba 'Chernoi knigi': Pisateli i dokumenty epokhi." *Filologiya i kul'tura* 53, no. 3 (2018): 133–38.
- Bassow, W. *The Moscow Correspondents: Reporting on Russia from the Revolution to Glasnost*. New York: William Morrow and Company, 1988.
- Beeler, D. "Race Riot in Columbia, Tennessee (February 25–27, 1946)." *Tennessee Historical Quarterly* 39, no. 1 (1980): 49–61.
- Berry, D. R. and K. N. Gross. *A Black Women's History of the United States*. Boston: Beacon Press, 2020.
- Bol'shaia tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956*. Edited by A. N. Iakovlev, and L. V. Maksimenkov. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia"; Izdatel'stvo "Materik," 2005.
- Chernaia kniga: O zlodeiskom povsemestnom ubiistve evreev nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami vo vremenko okkupirovannykh raionakh Sovetskogo Soiuzia i v gitlerovskikh lageriakh unichtozheniia na territorii Pol'shi vo vremia voyny 1941–1945 gg*. Edited by V. Grossman, and I. Ehrenburg. Moscow: AST; Corpus, 2015.

- Dobrenko, E. A. *Pozdnii stalinizm: Estetika politiki*. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Ehrenburg, I. *Za mir!* Moscow: Sovetskii pisatel', 1950.
- . *Sochineniia*. 5 vols. Vol. 3, *Deviatyi val: Roman*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1953.
- . *Sochineniia*. 5 vols. Vol. 5, *Ocherki. Stat'i*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1954.
- . *Liudi, gody, zhizn': Vospominaniia*. 3 vols. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990.
- . *Pis'ma*. 2 vols. Vol. 2, 1931–1967. Edited by B. Ia. Frezinskii. Moscow: Agraf, 2004.
- Ehrenburg, I., M. Galaktionov and K. Simonov. *We Have Seen America*. New York: National Council of American-Soviet Friendship, 1946.
- Fainberg, D. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2021.
- Frezinskii, B. Ia. *Ob Il'e Ehrenburge: Knigi, liudi, strany*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Gelder, R. van. *Writers and Writing*. New York: Charles Scribner's Sons, 1946.
- Goldberg, A. *Ilya Ehrenburg: Revolutionary, Novelist, Poet, War Correspondent, Propagandist: The Extraordinary Epic of a Russian Survivor*. With an Introduction, Postscript, and Additional Material by E. de Mauny. New York: Viking, 1984.
- Goriaeva, T. M. *Politicheskaia tsenzura v SSSR: 1917–1991 gg.* 2nd rev. ed. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2009.
- Gosudarstvennyi antisemitizm v SSSR: Ot nachala do kul'minatsii, 1938–1953*. Edited by A. N. Iakovlev, and G. V. Kostyrchenko. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia"; Izdatel'stvo "Materik," 2005.
- Gromyko, A. *Pamiatnoe: Ispytanie vremenem*. Bk. 2. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016.
- Houston, H. R. "Jackson Clarion-Ledger." In *Freedom Facts and Firsts: 400 Years of the African American Civil Rights Experience*, by J. C. Smith, and L. T. Wynn, 136. Visible Ink Press, 2009.
- Kostyrchenko, G. *Tainaia politika Stalina: Vlast' i antisemitizm*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2001.
- Laychuk, J. L. *Ilya Ehrenburg: An Idealist in an Age of Realism*. New York and Paris: Peter Lang, 1991.
- Lewis, A. *Freedom for the Thought That We Hate: A Biography of the First Amendment*. New York: Basic Books, 2010.

- Lyons, Eu. *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America*. Indianapolis and New York: The Bobbs-Merrill Company, 1941.
- Mellinger, G. "American Society of Newspaper Editors." In *Encyclopedia of American Journalism*. Edited by S. L. Vaughn, 21–22. New York and London: Routledge, 2008.
- . "Introduction." In *Journalism's Ethical Progression: A Twentieth-Century Journey*. Edited by G. Mellinger, and J. Ferré, IX–XXVI. Lanham, MD: Lexington Books, 2020.
- Pechatnov, V. "Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–47." *Cold War History* 1, no. 2 (2001): 1–27.
- . *Ot soiuza – k kholodnoi voine: Sovetsko-amerikanskie otnosheniia v 1945–1947 gg.* Moscow: MGIMO-Universitet, 2006.
- Roman, M. L. "Forging Soviet Racial Enlightenment: Soviet Writers Condemn American Racial Mores, 1926, 1936, 1946." *The Historian* 74, no. 3 (2012): 528–50.
- Rubinshtein, D. *Vernost' serdtsu i vernost' sud'be: Zhizn' i vremia Il'i Ehrenburga*. Translated from the English by M. A. Shereshevskaiia. Edited by B. Ia. Frezinskii. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002.
- Simonov, K. "Glazami cheloveka moego pokoleniia." In *Istorii tiazhelaia voda: Sbornik memuarnoi prozy*, by K. Simonov. Edited by L. Lazarev, 287–506. Moscow: Vagrius, 2005.
- Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953: Dokumenty Agitpropa TsK*. Edited by A. N. Iakovlev, D. G. Nadzhafov, and Z. S. Belousova. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia"; Izdatel'stvo "Materik," 2005.
- The SAGE Encyclopedia of Journalism*. Edited by G. A. Borchard. n. p.: SAGE Publications, 2022.
- Tischauser, L. V. *Race Relations in the United States, 1920–1940*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2008.
- Zorn, R. J. "Theodore G. Bilbo: 'Shibboleths for Statesmanship'." In *Public Men in and out of Office*. Edited by J. T. Salter, 277–96. New York: Da Capo Press, 1972.